

А В А Р И Д

Ава Рид
Искренне
Серия «Freedom. Немецкие
романтические бестселлеры Авы Рид»
Серия «In Love», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63008657
Ава Рид. Искренне: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-112621-6

Аннотация

Энди всегда мечтала переехать в большой город, где можно начать жизнь с чистого листа. Все идет по плану до тех пор... пока девушка не знакомится с Купером. Молчаливый симпатичный парень знает, как привлечь ее внимание, но всегда держится на расстоянии. Купер не всегда был таким замкнутым. Но один вечер кардинально изменил его жизнь: он не смог защитить свою семью. И теперь чувство вины постоянно преследует его, а страх потерять близкого человека превратил жизнь в кошмар. Энди намерена узнать, кто такой Купер на самом деле, во что бы то ни стало. Купер готов пойти на все, чтобы его боль не коснулась Энди. Однако вскоре каждый из них понимает: секреты оставляют глубокие раны. И даже молчание не может их скрыть...

Содержание

Пролог	7
1	12
2	32
3	54
4	74
5	94
6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Ава Рид

Искренне

TRULY

Ava Reed

© 2020 by Bastei Lübbe AG, Köln

© Кирьянова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Искренне» – один из самых красивых романов, которые я когда-либо читала. Настоящая изюминка моей книжной коллекции».

Тами Фишер, автор немецких бестселлеров

* * *

Для тебя, Андрада

Энди унаследовала свое имя от тебя.

И, если честно, она зачастую напоминает мне тебя – человека, который так умен и силен, но так часто словно забывает об этом.

Для тебя, Зина

Я знаю, что ты ждала эту книгу с тех пор,

как я начала писать. Я вижу перед собой

твою дерзкую улыбку. Знай, знаменитый пунни

это в твою честь.

Плей-лист Энди & Купер

Savage Garden – Truly Madly Deeply

Hozier – Work Song

Billie Eilish – when the party's over

Kings Of Leon – Use Somebody

Macy Gray (Cover by Jasmine Thompson) – I Try

Ella Eyre – We Don't Have to Take Our Clothes Off

Sting – Fields of Gold

The Script – Breakeven

Florence + The Machine – No Light, No Light
Kodaline – All I Want (Part 1)
Elderbrook & Rudimental – Something About You
Amber Run – I Found
Parson James – Only You
The Heavy – How You Like Me Now (Raffertie Remix)
Old Man Canyon – Phantoms & Friends
Bishop Briggs – The Way I Do
Kygo, Whitney Houston – Higher Love
Mark Ronson ft. Miley Cyrus – Nothing Breaks Like a Heart
(in the Live Lounge)
Florence + The Machine – Shake it out
Shawn Mendes, Camila Cabello – Señorita

* * *

*Настоящий любовник – это тот мужчина,
который способен взволновать женщину, поцеловав
ее в висок или улыбнувшись, когда смотрит ей в
глаза. Или даже просто смотрит в пустоту.
Мэрилин Монро*

Пролог

Жизнь иногда причиняет боль

Энди

Еще ни один момент в моей жизни не был таким позорным, как этот. По крайней мере, сейчас я такого не могу вспомнить. И неважно, действительно ли этот вечер займет почетное первое место на пьедестале моей личной шкалы катастроф: в данную минуту я чувствую так, и это все, что имеет значение.

Я думаю, это из-за того, что каждый ужасный момент, когда он наступает, настолько захватывает нас, что вытесняет все остальное, и кажется, что ничего не может быть хуже.

Попытка сохранить самообладание провалилась. И вот, в пять градусов тепла и под проливным дождем, который смешивается с моими слезами и смывает их с лица, я сижу на ступеньках лестницы у входа в ресторан и пытаюсь разложить по полочкам собственные мысли. Вопрос в том, как это произошло и когда моя жизнь вышла из-под контроля, мечется в моей голове, как спортсмен на беговой дорожке. Снова и снова, опять и опять. Когда это случилось? И почему? Но только не «из-за кого». Это единственное, в чем я абсо-

лютно уверена.

Никакой драмы, никаких сюрпризов. Я не хочу их, и мне они не нужны, с тех пор как с моей мамой случилось то, что случилось, я дала себе слово, что не допущу этого в будущем.

И теперь, чувствуя, как холод каменных ступеней проникает под одежду, и то, как вода наконец промочила насквозь все платье, я тихо смеюсь и всхлипываю. Потому что я ошибалась... Я получила все то, чего так не хотела, а хочу того, чего никак не может быть.

Моя жизнь никогда не представлялась мне никчемной, как и я сама. До сегодняшнего дня. Пока я не приехала в этот город, в этот университет. До тех пор, пока Джун не затащила меня в этот дурацкий клуб. Надо было взять ноги в руки и бежать оттуда, тогда все это безумие могло бы пройти мимо меня. Вместо этого я, вероятно, была бы дома со своей семьей. Не училась бы, не сделала бы того, о чем мечтала, но при этом была бы счастлива... По крайней мере, намного счастливее, чем сейчас.

Или нет?

Я роняю голову на руки, и все новые дождевые струи бесцеремонно обрушиваются на меня. По щекам текут все новые слезы, пока гости ресторана, веселые и нарядно одетые, поднимаются и спускаются по лестнице мимо меня. Они напоминают мне тени, которые словно и здесь, и не здесь одновременно.

Над дорогой поднимается легкий туман, в воздухе сыро.

Мои длинные темно-каштановые волосы намokли от дождя и тяжело спадают с плеч, пальто наброшено лишь на одно плечo, но у меня нет ни сил, ни желания его поправить. Несмотря на то что уже давно все тело дрожит от холода, я не могу заставить себя подняться и начать двигаться. Кто-то из ресторана уже попытался узнать, в порядке ли я и могут ли они чем-то помочь. Нет, я не в порядке, и нет, они не могут помочь. Поэтому я лишь покачала головой. Я даже не уверена, действительно ли они хотели что-то для меня сделать или же спросили чисто из вежливости, но благодарна им за старания.

Дождь все не утихает, он стучит по моей коже, будто отбивая замысловатый ритм на своих невидимых барабанах. Когда я наконец заставляю себя поднять голову, убеждая не сдаваться в этой идиотской ситуации, я с трудом вздыхаю и издаю тихий стон. Потому что все во мне кричит, что уже слишком поздно. Пока я сижу здесь, молча проклиная себя, изо рта вырываются маленькие облачка пара, я совсем замерзла, нос течет, а его кончик я больше не чувствую. Мне ничего не видно, потому что очки испачканы, они мокрые и запотели, и я их снимаю.

Левой рукой я почти механически беру маленькую насквозь промокшую тканевую сумочку, лежащую рядом со мной, кладу внутрь очки и вытаскиваю свой сотовый. Батарея в любой момент может приказать долго жить, надо мной смеется красный, теперь слегка размытый, символ в правом

верхнем углу дисплея, демонстрирующий оставшиеся четыре процента заряда. Дрожащими пальцами я убираю отдельные липкие пряди со лба и губ, вытираю капли воды с глаз, — и мне наплевать, что будет с моим макияжем, если от него вообще еще что-то осталось, — затем смотрю на экран смартфона. Пролистываю имена в списке контактов и раз за разом задерживаюсь взглядом на одном из них.

Я не буду набирать этот номер.

Есть очень немного людей, к которым я могу обратиться и попросить забрать меня, и при этом я действительно не хочу видеть никого из них. Было бы здорово, если бы Джун была здесь, и я снова едва не начинаю рыдать, вспомнив о ней. Тем не менее я не буду звонить ей. Может, потому что мне стыдно. Может быть, потому что мне придется слишком многое ей объяснять, особенно то, что я сама с трудом понимаю. Еще никогда мне не было так сложно рассказать что-то лучшей подруге. Кроме того, я сильная девушка, и для меня это важно.

В конце концов, у каждого из нас есть свои пределы. Время от времени каждый может попасть в ловушку безумных и запутанных ситуаций. И всех рано или поздно могут бросить, так? Мне должно быть сейчас все равно. Я знаю себе цену. Но эти мысли и знания абсолютно бесполезны, если сердце чувствует иначе. Я не могу поверить, что он только что взял и ушел. Что он положил деньги передо мной на стол... Я была не в силах предотвратить это, но по крайней

мере, он заплатил мне за этот вечер. Тихо выругавшись, я сжимаю свободную руку в кулак. Пальцы уже почти онемели.

Дело даже не в том, что я забыла кошелек. Надо было взять его проклятые деньги, хотя бы на такси домой...

Из груди вырывается едва слышное всхлипывание, и желание оказаться подальше отсюда и принять горячий душ, чтобы потом свернуться калачиком в постели в обнимку с одеялом и проплакать всю ночь, становится настолько непреодолимым, что я делаю это: я нажимаю на зеленую кнопку.

Идет вызов.

С днем рождения меня...

1

Как правило, начало одного пути – это конец другого.

Энди

Казалось бы, что может быть проще, чем постучать в дверь? Но эта массивная дверь передо мной, с табличкой, гласящей: «Квартира 15, строение «Б», – больше, чем обычная дверь, так же как и то, что находится за ней, – это больше, чем обычная комната: там меня ждет что-то неизведанное. Какое-то новое начало и в то же время конец чего-то другого. Взгляд падает на большую коричневую дорожную сумку, стоящую у ног, при этом рюкзак все еще тяжело давит мне на спину, оттягивая плечи. Пожалуй, сейчас я чувствую каждую их мышцу и мышцы напряженной шеи.

Наконец усталость берет верх над волнением и адреналином, которые бушуют в крови с тех пор, как я поехала в этот город. Дорога до Сиэтла оказалась более изнурительной, чем я ожидала, в основном потому, что я не могла расслабиться ни на минуту с тех пор, как вышла из дома.

За время пути в голове накопилось слишком много «если» и «но», которые то любовно обнимались, то яростно боролись друг с другом. И со мной. С надеждами, желаниями

и мечтами.

Я начала паниковать, еще когда повесила на сумку маленький дорожный замок, и паникую до сих пор. Я боюсь, что Джун изменилась слишком сильно – или не она, а я, что папа и Лукас не справятся без меня – или я не справлюсь без них, и что у меня вообще ничего не получится. Просто потому, что я недостаточно хороша для этого. Что, если я не готова? Что, если я никогда не буду готова? Если мне не понравится город, учеба и сам университет, если в жизни все окажется не таким, как я себе представляла? Что, если я не приживусь здесь? Что, если мне придется отказаться от своей мечты о будущем, связанном с работой в области ивент-менеджмента и маркетинга вместе с Джун? Или если я всех разочарую? Что, если...

Мысли совсем запутались, я с трудом поспеваю за ними, поэтому тихо говорю себе «стоп», чтобы остановить это сумасшествие. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь перестать мучить и терзать себя сомнениями. Я вспоминаю о том, что это только первый шаг на пути, который должен привести меня туда, куда я хочу. Это часть того, о чем я так долго мечтала. Впереди меня ждет что-то очень хорошее. Так как же я могу бояться этого? Просто безумие. Я покачала головой и поморщилась. Возможно, причина кроется в том, что за последние несколько лет многое в моей жизни сложилось не так, как я ожидала... В любом случае я получу ответы на свои вопросы и избавлюсь от страхов только одним спосо-

бом: когда я наконец постучу в эту чертову дверь.

Студенты, которые прогуливались по коридору, то смеясь, то сплетничая между собой и постоянно входя и выходя из своих комнат, начинают странно на меня поглядывать. Неудивительно, ведь я стою здесь уже так долго, что на моих глазах девушка, которая выпорхнула из соседней комнаты еще целую вечность назад, успела вернуться с восхитительно пахнущей, ароматной гигантской пиццей и вновь исчезнуть за дверью, а с тех пор прошло еще несколько минут.

Так, соберись! Я расправляю плечи, поднимаю руку и замечаю, что тыльная сторона ладони немного вспотела, поэтому я быстро вытираю ее о джинсы. Наконец я сжимаю пальцы в кулак, подхожу к заветной двери и...

У меня получилось! Костяшки стукнули по дереву, один раз, другой, даже громче и увереннее, чем я предполагала. Я вздыхаю с облегчением и привычным жестом поправляю на носу очки, которые немного съехали. Затем опускаю руку и жду.

Почти сразу же из комнаты до меня доносится шум, который усиливается и становится все громче и громче, пока кто-то плавным движением не открывает дверь. Теперь я больше не думаю о том, что может быть или что будет, и я больше не изучаю текстуру деревянного покрытия двери, вместо этого я смотрю прямо в лицо своей давней и лучшей подруги, с которой мы не виделись уже несколько месяцев.

Нет, она не изменилась – понимаю я сразу и наверняка.

Ее кожа цвета слоновой кости по-прежнему идеально накрашена, маленький курносый нос, большие глаза, открытый взгляд, всегда мгновенно передающий каждую ее эмоцию. Сейчас она смотрит на меня с удивлением. Только прическа стала другой – светлые волосы стали короче, причем намного короче, как я замечаю, присмотревшись. Локоны, которые раньше ложились на спину, доставая чуть ли не до самой поясицы, теперь даже короче, чем до плеч, а тонкие аккуратные пряди обрамляют ее лицо нежными волнами.

– Энди, – шепчет она.

Ее зеленые глаза становятся еще больше, она смотрит на меня так внимательно, словно хочет убедиться, что я настоящая, что я на самом деле стою перед ней. Наверное, она думает о том, чтобы ткнуть в меня пальцем или толкнуть, чтобы окончательно удостовериться, что ей не померещилось. Но вместо этого она лишь хмурит брови, наклоняется ко мне, и вот, наконец, изумленно бормочет:

– О боже, это действительно ты. Ты здесь!

Она издает радостный крик, стремительно преодолевая расстояние между нами, и порывисто заключает меня в объятия. Я немного пошатнулась и вынуждена была ухватиться за дверную раму, чтобы не упасть. Затем я прижимаю ее к себе.

Да, я уже совсем забыла, что Джун могла быть какой угодно, но только не тихой. У нее было просто море энергии и всегда наготове искрометные высказывания по любому по-

воду, так что ее нельзя было не любить. По крайней мере, это мое мнение. И думаю, оно было таким с тех самых пор, как мы познакомились.

Так что мое нервное состояние начинает утихать, как только я оказалась рядом с подругой, и я буквально могу почувствовать, как все мое тело постепенно расслабляется, голова освобождается от всех беспокойных мыслей. Во мне мгновенно зарождается смех, и я выпускаю его наружу, потому что это кажется таким естественным и приносит облегчение. Джун присоединяется и начинает раскачиваться из стороны в сторону, не выпуская меня из объятий, и так приятно наконец услышать этот смех, который я знаю так хорошо, в реальной жизни, а не по телефону или голосовой почте.

Джун всегда была мне как сестра, поэтому последние несколько месяцев, которые прошли без нее, дались мне особенно тяжело. Наши планы на приключения и увлекательную студенческую жизнь были определенно другими. Красивее, проще и менее напряженными. Но нам известно, что жестокая реальность думает о таких планах: ничего хорошего. Да, в принципе, вообще ничего. Я даже думаю, что она ехидно смеется над ними.

Тем не менее ни одна из нас ни на мгновение не могла бы представить себе, что все будет так, как это случилось, мы даже не думали, что что-то может пойти не так.

Хотя... На самом деле это не совсем правда. Мы только убеждали себя, что ничего не может пойти не так. Мы наде-

ались, что этого не произойдет...

– Я так рада тебя видеть, – шепчу я, зарывшись лицом в ее волосы и наслаждаясь этим ощущением.

Тогда она отпускает меня и делает шаг назад, опускает руки и морщит лоб.

– Ты же хотела приехать лишь на следующей неделе, разве нет? О, да ладно, это не имеет значения, – сразу добавляет она, махнув рукой. – Я так счастлива, что ты здесь! Я скучала по тебе.

– Я по тебе тоже, – отвечаю я, и мы обе улыбаемся.

Я умалчиваю о том, что я здесь, потому что не могла бы вынести больше ни дня, и что при этом я была очень близка к тому, чтобы психануть и отказаться от всего этого. Из-за волнения, напряжения, больших ожиданий. И из-за страха.

– Заходи! Сара еще не вернулась, она вместе с семьей в Айове или где-то там.

Джун неопределенно пожимает плечами, без предупреждения хватает большую дорожную сумку, стоящую у меня в ногах, и издает нечто вроде хрюканья.

– Что, черт возьми, там лежит? Ты взяла с собой целое ранчо? Корову? Своего брата?

Я снова смеюсь и смотрю, как Джун воюет с багажом.

– Не думаю, что она действительно такая тяжелая, – нерешительно возражаю я.

Тем временем Джун, слегка постанывая, но с решительным выражением лица уже тащит по комнате мою сумку, чу-

дом не оставляя за собой широкой борозды на старом ламинате.

Теперь она сверлит меня прищуренным взглядом, я слеую за ней и закрываю за собой дверь.

Ладно, сумка и *правда* чертовски тяжелая, но я никогда не умела упаковывать вещи, поэтому нечего этому удивляться. Это так утомительно! Про каждую вещь ты спрашиваешь себя: это нужно взять с собой? Это жизненно важно? И если ответ «нет», то ты не откладываешь эту вещь в сторону, а смотришь на нее еще некоторое время, потому что задаешься вопросом: а что, если в какой-то момент мне все-таки понадобится именно это? И, сама того не осознавая, ты внезапно кладешь в чемодан всю свою жизнь.

По большей части это и была основная причина, по которой я, в качестве исключения, позволила себе сесть в такси, которое могло остановиться прямо у общежития, вместо того чтобы поехать на автобусе. И вместе с дорогой из Монтаны сюда, а также частью канцелярских принадлежностей для учебы это пробило небольшую – или, честнее сказать, средней тяжести – дыру в моем и без того жалком бюджете. Когда я, словно невзначай, упоминаю об этом, Джун осуждающе цокает языком.

– Я бы подобрала тебя. Все, что тебе нужно было сделать, это позвонить.

– Я хотела тебя удивить.

– И у тебя это получилось, – признается она, прежде чем

подробно объяснить моему багажу, какая судьба его ждет, если он не сделает то, что она хочет. Мне жаль, что она тащит мою сумку в одиночку, но когда Джун вбивает себе что-то в голову...

Я вздыхаю и с удивлением оглядываю студенческую квартиру Джун в женском общежитии. Многие вещи были мне уже знакомы: подруга показывала мне их по видеосвязи или же я видела их у нее на фото.

Общая комната не очень большая, но довольно уютная благодаря приятному цвету стен, местами белых, местами ярко-желтых, и светлым шторам. Старый диван с вельветовой обивкой, приставленный к нему столик, покрытый пятнами и разводами, лучшие дни которого явно остались позади и под одну ножку которого в качестве опоры подложена пачка салфеток и стопка картонных подставок под пивные кружки. Сверху на нем покоятся три полусожженные свечи. Все это дополняется большим узким белым комодом и антикварным открытым шкафом из темного дерева, заваленным дисками с фильмами, книгами и журналами. Пол украшен пушистым ковром с красочным узором, причем края его выглядят так, как будто их грызло не одно поколение мышей. Отсюда видны две двери, одна слева и одна справа, вероятно, в комнаты Джун и ее соседки Сары.

Тем временем подруга с громким стоном паркует мой багаж у другой стороны дивана.

– Так мы хоть не упадем, споткнувшись об нее, – объяс-

няет она, толкая сумку по ковру к столу. Если честно, то я понятия не имею, как вообще добралась сюда с такой тяжелой сумкой, у которой нет одного колесика.

Джун возвращается ко мне, тяжело дыша.

– Добро пожаловать в наш университет! Добро пожаловать в Сиэтл. – Она довольно раскидывает руки в стороны. – Мы сделали это! Можешь поверить?

Почти, думаю я. Почти. Она забывает, что у меня есть еще несколько важных дел до начала семестра.

– Да уж, с ума сойти, – отвечаю я, наконец снимая рюкзак и потирая онемевшую шею. – Осталось всего лишь найти работу и квартиру или комнату, верно?

Я бодро подмигиваю ей и надеюсь, что мой голос прозвучит так же. Возможно, этот трюк удался бы с кем-то другим, но Джун знала меня очень, очень долго... Даже слишком. Черты ее лица смягчаются на несколько секунд, затем снова обретают твердость, и подруга крепко хватается меня за плечи.

– Все будет хорошо. Мы найдем для тебя что-нибудь подходящее! Ты поступила в университет – мы обе сделали это, мы будем учиться вместе, а остальное приложится: работа, жилье, экзамены, наша собственная фирма, мировое господство...

Она многозначительно поднимает брови, и я смеюсь.

– Какую фразу я всегда говорю?

– Делай один шаг за раз, иначе споткнешься. – Я повторяю слова, которые лучшая подруга твердила мне всю нашу

жизнь.

– Так и есть! А поскольку ты уже здесь, то чуть позже мы сходим поесть что-нибудь, и я тебе все покажу. Но перед этим тебе обязательно надо отдохнуть. На сегодняшний день диван весь твой. – Она гордо указывает на монстра в углу комнаты, который при ближайшем рассмотрении уже не кажется таким уж неудобным. Может быть, потому что я едва держу глаза открытыми.

– Значит, Сара действительно согласилась, чтобы я осталась у вас ненадолго? – подавляя зевок, в последний раз спрашиваю я, чтобы точно удостовериться.

– Угу.

Я вздрагиваю.

– Это значит нет.

– Она сказала «да», и это все, что имеет значение.

Джун отпускает меня, демонстративно скрестив руки на груди и гордо задрав подбородок. О, я могу представить, что здесь происходило.

– Ты не отставала от нее, пока не замучила настолько, что она даже выдала тебе свое согласие, просто чтобы хоть как-то остановить тебя, я права?

Джун корчит недовольное лицо и что-то неразборчиво бормочет себе под нос, махнув рукой в воздухе. Мне приходится сдерживаться, чтобы не рассмеяться снова. Я слишком хорошо знаю на личном опыте, насколько настойчивой она может быть. Несмотря ни на что, даже если речь идет всего

лишь о последнем печенье в пачке, которое мы обе хотим съесть. Джун не ведет переговоры, она стоит на своем не на жизнь, а на смерть. И в основном побеждает.

– Я повторяю, это абсолютно нормально, что ты побудешь здесь, – заявляет она, вырывая меня из мыслей.

– Пока администрация общежития не поймает меня, – вздыхаю я в ответ, но она игнорирует мои возражения и продолжает:

– Будь моя воля, то ты могла бы даже спать на ее кровати хоть всю неделю, пока Сара не вернется и у нас не начнется учеба, но эта гостеприимная барышня предусмотрительно заперла свою комнату.

– Не переживай, это совсем не проблема.

– Но это просто сводит меня с ума! Вообще-то, как и почти все, что она делает или говорит. – Джун шумно выдыхает воздух и недовольно фыркает. – Ты должна была жить здесь со мной, черт возьми...

Не поспоришь.

– Но с сегодняшнего дня все изменится! Все будет намного лучше!

Я продолжаю слушать Джун, но чувствую себя такой усталой, что, наверное, упаду, если меня подтолкнуть. Тем не менее я делаю шаг к столу и хочу поправить свечи, потому что они стоят криво и беспорядочно, а я...

– Энди!

Я немедленно вздрагиваю и виновато улыбаюсь. Подру-

га мягко подталкивает меня к дивану, я, не сопротивляясь, позволяю себе рухнуть на него, и – о, святые боги уюта! – как же приятно лечь... У меня вырывается довольный вздох.

– Сейчас не время наводить порядок! – Джун знает все мои привычки. – Сначала поспи, а затем мы обязательно отпразднуем твой приезд. Я недавно нашла прикольный клуб неподалеку отсюда, и мы пойдем туда. Тебе понравится! Так что тебе надо поспать, поесть, принять душ, распустить свою длинную гриву, и тогда я наряжу тебя в самые модные шмотки, которые найду в шкафу.

– Не поступай так со мной, Джун! Умоляю тебя... – отчаянно бормочу я, прижимаясь лицом к одной из мягких подушек и наконец закрывая глаза.

– Никаких отговорок. Тебе часто удавалось убедить меня, когда мы жили дома, – что было простительно, но сегодня ты будешь выглядеть по-настоящему шикарно.

– Ты же знаешь, что мне это не очень нравится.

Я чувствую себя малышом, который не хочет есть свою кашу.

– Андрада Люсия Эванс! Ты умна, у тебя есть душа и тело, и сегодня, преклонив колени, ты распрощаешься с этим огромным, безразмерным серым свитером.

– Ты что, правда хочешь прочитать *мне* лекцию о том, как не скрывать себя и не прятаться от взглядов окружающих?

Это, конечно, довольно деликатный вопрос, но в такие моменты мне приходится напоминать лучшей подруге, что свое

мнение можно оставить при себе. Не то чтобы у меня были с этим проблемы – я люблю свое тело. Но, к сожалению Джун, я также люблю красивые свободные толстовки и уютные клетчатые рубашки. В любом случае на мои слова все равно не обратят никакого внимания. Джун просто мастер не замечать подобные реплики, по крайней мере, не обращать на них внимания. Если бы то же самое было и в остальном...

Я должна приложить немало усилий, но мне все же удастся немного приоткрыть один глаз, чтобы укоризненно посмотреть на подругу.

– Речь идет совсем не об этом, ты же знаешь! И вообще-то, мне нравится хорошо выглядеть.

– Джун... – прерываю ее я, потому что она опять начинает обманывать саму себя и смешивать разные темы.

– Энди, – теперь уже обрывает меня она, и я умолкаю. Ее решительный взгляд сменяет выражение мольбы на лице, она надувает губы – о, это Джун умеет хорошо. Тем не менее она продолжает идти к своей цели: – Если ты сделаешь то, что я говорю, и сходишь туда, то сможешь спросить насчет работы. Пару дней назад им требовались работники в гардероб, они искали студентов.

Вот это уже на самом деле звучит как правдоподобная причина, чтобы пойти в клуб. Мне нужна работа, даже очень и как можно скорее. Проклятье!

– Я ненавижу тебя.

Мои глаза снова закрываются, и я начинаю погружаться

В СОН.

– Это неправда, и мы обе знаем это!

С этими словами она достает откуда-то одеяло и набрасывает его на меня.

* * *

Несколько часов спустя я стою перед клубом с крупными неоновыми буквами *MASON's* над входом. Огромная вывеска завораживающе сверкает и переливается яркими цветами, отбрасывая причудливые тени на темно-красный кирпич здания. Кажется, будто это вход в другой мир, где все красочнее и живее. Мощные электрические басы долетают до нас даже на улице и заставляют меня чувствовать какое-то возбуждение. Я даже не знаю, когда в последний раз танцевала и было ли это хоть раз не в пабе «У Гленна» со всеми теми людьми, которые знают, как плохо я пою в караоке, и которые видели меня еще в пеленках или по уши в грязи после работы на ранчо.

Потихоньку я начинаю переминаясь с одной ноги на другую. Не только потому, что мне непривычна одежда, в которую засунула меня Джун, но в основном потому, что, несмотря на довольно сытный азиатский суп быстрого приготовления, горячий душ и немного сна, я все еще не пришла в себя и по-прежнему хочу спать. Джун показала мне часть общежития и кампуса до того, как мы стали собираться в клуб, и

надо сказать, что я очень рада, что она может жить там. И я счастлива, что мы обе успешно поступили в Харбор-Хилл, чтобы наконец начать вместе двигаться в наше будущее и хоть немного приблизиться к мечте – создать что-то свое, не работать по найму и стать начальницами самим себе. Да, я рада... и благодарна, что Джун разрешила мне пожить сейчас в ее студенческой квартире. Тем не менее во всей этой радости была своя ложка дегтя: зависть, потому что у Джун теперь было все то, чего не было у меня, но чего я всегда хотела: стипендия, общежитие, никаких забот. Ладно, по крайней мере, никаких забот о крыше над головой или об отсутствии денег на банковском счете.

Так, прекрати это! – одергиваю я саму себя и мысленно вспоминаю, что то, что я смогла позже приступить к учебе и мне придется самостоятельно платить за нее (как и большинству других студентов), – это ни в коем случае не выбор и не желание моей лучшей подруги. Наоборот, Джун сделала бы все для меня. У нее тоже было достаточно плохих периодов в жизни, и она заслуживает удачи, которая ей наконец улыбнулась.

Все будет хорошо, – говорю я себе, – *не знаю как, но в конце все сложится хорошо.* Вот только как... Я нервно сглатываю и поеживаюсь, ругая себя, что не взяла с собой какую-нибудь тонкую куртку или жилетку. Осень уже не за горами, и, несмотря на довольно комфортную температуру, я все равно мерзну. Думаю, виной тому короткий сон и отсут-

ствие хоть пары минуток отдыха.

Одного взгляда, брошенного вниз на мои голые ноги, достаточно, чтобы почувствовать, как же мне не хватает моих привычных, удобных штанов.

– Не могу поверить, что это действительно происходит, – бормочу я скорее себе, чем подруге, в очередной раз поправляя юбку. Точнее, пытаюсь ее поправить. Джун нарядила меня в обтягивающую черную кожаную юбку, которая едва доходила до колен, в высокие туфли на убийственных каблуках – в которых можно сделать только две вещи: споткнуться и убить кого-нибудь, а края легкой блузки она небрежно завязала у меня на уровне бедер, оставив незастегнутыми верхние кнопки, так, чтобы, по мнению Джун, «показывать достаточно, чтобы вызвать интерес, но не более того» – что бы это ни значило. Да, мои бедра определенно немного шире ее, а туловище несколько короче, но это меня никогда не спасало. Шкаф Джун для меня загадка, он как сумка Гермiony, в которой каждый может найти для себя все что угодно. И бог одежды, если такой существует, никогда не щадил меня, вместо этого он выдает подруге нужные вещи каждый раз, когда у нее появляется возможность одеть меня во что-то.

– Хватит ныть и хмуриться, иначе у тебя будет куча морщин! Ты молода, прекрасна, и благодаря мне мир наконец-то может взглянуть на твои стройные ноги! – отвечает она, указывая на упомянутую часть тела. Можно подумать, что обычно я провожу свою жизнь в мешке из-под картофеля.

Сама того не замечая, я снова сморщила нос и вдобавок высунула язык, просто потому что мне так захотелось и потому что у меня нет другого ответа наготове.

Джун тем временем все пытается взглянуть поверх голов людей. Я же, наоборот, давно забросила это занятие, поскольку в отличие от подруги, несмотря на эту адскую обувь, во мне все равно меньше ста семидесяти сантиметров. Кроме того, мои каблуки кажутся просто смешными по сравнению с ее.

– Тебе здесь понравится, – говорит Джун в сотый раз, и каждый раз ее голос звучит все убедительнее.

Она сжимает сумочку, которая хранит в себе больше, чем можно подумать. Я не помню, чтобы Джун когда-либо выходила из дома без своего походного набора косметики и какой-нибудь шоколадки. На моих губах появляется улыбка, когда я смотрю на нее, пока она чуть ли не подпрыгивает в ожидании нашей очереди и продолжает вытягивать шею, чтобы понять, из-за чего мы продвигаемся так медленно.

– Когда же мы наконец сможем войти, – бормочет она, слегка выпячивая нижнюю губу.

– Приятно видеть, что время без меня не изменило тебя и не сделало более терпеливым человеком, – ехидно произношу я, едва сдерживая смех, особенно когда она бросает на меня взгляд, полный притворного возмущения, и скрещивает руки на груди.

– Я могу быть терпеливой. Когда это по-настоящему важ-

но и когда я знаю, что в этом есть смысл. И так случается довольно часто. Ну, иногда...

Когда она поднимает брови, размышляя об этом, я прекращаю бороться со смехом и начинаю хохотать в голос. Невероятно, что человек, который заставлял меня «делать по одному шагу за раз» на протяжении всей моей жизни, в то же время был самым нетерпеливым человеком в мире! Причем вряд ли сейчас была причина для такого волнения, потому что очередь впереди нас была уже не такой длинной. Я давно уже могла разглядеть секьюрити и зону досмотра у входа, через которую они с определенным интервалом пропускали людей.

– Ты уже говорила с Марой и Дейвом? – Вопрос внезапно вырывается у меня, и как только слова покидают мой рот, я немедленно сожалею о них. Мы с Джун знакомы столько, сколько я себя помню, и со мной и моей семьей она провела больше дней, чем у себя дома. Я понимаю, что ей не нравится говорить об этом, потому что эта тема причиняет боль, но я не теряю надежды, что они с родителями смогут в конечном итоге воссоединиться и стать настоящей семьей.

Ее глубокий вздох, быстрый взгляд, и я уже убеждена, что она не ответит, но тут я слышу ее мягкое: «нет». Почти механически она теребит прядь своих волос, но кажется, сама еще не привыкла к тому, что ее волосы стали короче. Видимо, она была в парикмахерской всего несколько дней назад. Наверное, поэтому она еще не сказала мне о новой прическе.

Она предпринимает вторую попытку, на этот раз подняв руку повыше, и наконец цепляется за кончики своих некрашенных белокурых волос и начинает крутить прядь между пальцами.

– В самом начале семестра я пыталась позвонить маме с папой, но попала только на автоответчик. Затем я попробовала набрать рабочий номер и мобильный. Я звонила практически каждую неделю. И никто не ответил.

Этого она мне не рассказывала.

Джун замолкает, поэтому я беру ее свободную руку, она оказывается холоднее, чем я думала. На короткое время она зажимает мою ладонь и сразу пытается улыбнуться.

– Все в порядке, Энди. У них просто нет времени. Так ведь было всегда. О, смотри, мы следующие.

Недовольная внезапной сменой темы разговора, я смотрю вперед. Верно. Я и не успела заметить, как мы продвинулись так далеко. Джун, конечно, мастер переводить тему. Я единственный человек, перед которым ей не нужно надевать маску, не нужно притворяться, что ей все равно и что она не переживает из-за того, что ее родители не были рядом в течение двадцати одного года. Однажды у Джун даже появилась своя комната в нашем доме, и...

– Перестань думать об этом, Энди. – Она мягко одергивает меня, и когда видит мое изумленное лицо, сжимает мои пальцы в последний раз, прежде чем отпустить ладонь. – У тебя на лице все написано – ты морщишь нос, когда размыш-

ляешь о чем-то неприятном или просто слишком сильно напрягаешь мозги. Все хорошо. Правда!

Я кивнула. Надеюсь, так и будет... когда-нибудь.

2

Иногда все начинается с крошечных, едва заметных шагов. А иногда с цветастого коктейля на рубашке.

Энди

Клуб оказался больше ожидаемого и намного просторнее, чем мне показалось снаружи. Яростные басы режут у меня в ушах, ритм пульсирует во всем моем теле, и это как будто освобождает меня от напряжения и выбрасывает в кровь гормон счастья. Я на самом деле начинаю по полной наслаждаться этим вечером.

Когда мы подходим к длинной барной стойке, расположившейся прямо напротив огромного танцпола, я могу лучше рассмотреть интерьер. Второй этаж существует только как своего рода широкий балкон, который тянется вдоль стен и с которого можно смотреть вниз на танцующую толпу. По центру потолок ничто не загромождает, и на нем отражаются разноцветные огни, танцующие друг с другом в ритме музыки, и это напоминает мне северное сияние. С ума сойти! Неописуемое зрелище.

Стиль оформления клуба кажется смесью старины, классики и чего-то футуристического. Стальные трубы, которые

пробиваются сквозь стены то тут, то там, гармонируют с красным кирпичом здания, а деревянные балки вдоль стен и отдельные декоративные элементы придают помещению особый шарм.

– Впечатляет, не так ли? – обращается ко мне Джун, и все, что я могу сделать, – это молча кивнуть, пока мы останавливаемся, облокотившись на барную стойку, и осматриваем все вокруг.

У противоположной стены справа я вижу еще один бар, меньший по размеру и идеально вписанный в угол. Дальше на стене висят красочные разноцветные знаки, указывающие путь к туалетам. Слева находится лестница, которая ведет на второй этаж. С другой стороны этого длинного, огромного зала я вижу еще несколько лестниц. Они выглядят довольно неприметно, словно вжимаются в стену, а внизу обнесены простым, но элегантным ограждением. Они ведут к какой-то двери на втором этаже. *Что же за ней скрывается?*

Хотя сейчас еще далеко до полуночи, в клубе уже многолюдно, и мне быстро становится жарко. Я закатываю рукава блузки, надеясь, что они там и останутся, а не съедут обратно, затем я разглаживаю волосы, раскиданные по плечам, на мгновение приподнимаю их так, чтобы легкий поток воздуха хоть ненадолго коснулся моей шеи, и наслаждаюсь этим ощущением на своей коже.

– Хотя бы косичка, Джун! Разреши мне хоть это.

Она начинает хихикать, тянется к моим кудрям и переби-

рает их пальцами, когда я опускаю руки.

– Но тебе так хорошо, когда ты носишь их распущенными!

Ну, и что мне сказать на это? Я согласна, но все-таки я больше за практичность. И давайте будем честными: распущенные тяжелые, длинные волосы в большинстве случаев выглядят красиво, но это определенно неудобно. Ни во время уборки, ни во время готовки или учебы – они вечно падают на лицо, запутываются или оказываются прямо у тебя в соусе – и уж точно не во время танца, когда они обвиваются вокруг тебя, как жадные щупальца, которые словно пожирают тебя, намертво приликая к потной коже.

Пока я поправляю очки и собираюсь сказать что-то по этому поводу, Джун уже не в первый раз машет одному из барменов, который наконец замечает нас и через несколько секунд подходит. Его улыбка становится шире, как и у Джун, которая сейчас похожа на греческую богиню. Ее уверенность в себе вызывает восхищение, особенно потому, что она не видит себя такой, какой я ее вижу, наоборот, она кажется себе совсем другой.

– Что вам принести? – Бармен вырывает меня из мыслей.

– Просто воду, – дружелюбно отвечаю я.

– И два коктейля без сливок. Удиви нас, Джек, – просит Джун и дерзко подмигивает бармену, который, улыбаясь, кивает и сразу же приступает к работе.

– Джун, – упрекаю я ее.

Я не могу позволить себе коктейли – особенно после та-

кой дорогой платы за вход сюда.

– Что такое?

– Я уже заказала воду.

– Да, верно. А я взяла два коктейля. Ты сегодня мой гость.

Теперь она улыбается мне, пока я, покачивая головой, не отвечаю ей тем же. Мне так неудобно, но... что плохого в том, чтобы принять один коктейль от лучшей подруги? У Джун сейчас нет финансовых проблем и есть стипендия, которую, в свою очередь, она добросовестно получает за фантастические оценки. Мои оказались недостаточно хороши. За прошедшие два года после всего, что случилось, я едва ли была в состоянии сосредоточиться на выпускных экзаменах и тестах. Вот почему я не смогла поступить сюда вовремя.

– Хорошо, но только один коктейль. Чтобы мы могли произнести тост.

Джун радостно бросается мне на шею.

– Ты не обязана пить его ради меня, – тихо шепчет она мне на ухо.

– Ты знаешь, что я и не стала бы, если бы не хотела, – отвечаю я, и это правда. Я взяла себе воду, потому что она была дешевой и потому, что после долгой поездки и неполноценного сна алкоголь был не лучшим выбором, но один коктейль мне не повредит.

Я хочу отпраздновать этот день!

– Спасибо, – благодарю я, и мне не нужно объяснять, за что.

– Обращайся!

Мы размыкаем объятия.

– Конечно, ты понимаешь, что я верну тебе этот долг, как только получу работу. Окей, сегодня я отпущу ситуацию, но потом... – я злорадно усмехаюсь, – потом я снова буду пить свою имбирную воду. И воздам должное своим джинсам, ботинкам и свитерам, и ты ничего не сможешь с этим поделать.

После этих слов мне приходится приложить немало усилий, чтобы не рассмеяться над выражением лица подруги.

– Я знаю, знаю, – она вздыхает и облизывает губы. – В ответ на жертву, которую ты принесла сегодня вечером, я буду хорошим другом и как-нибудь надену толстовку с капюшоном или ту суперширокую рубашку, которую ты так любишь. И просижу так целый фильм. И возможно, я даже надену пушистые домашние носки, которые натяну поверх джинсов, и подберу их в цвет кофты, под которую, во имя уюта, я, разумеется, не надену бюстгальтер. – Пока она говорит это, ее лицо искажается болью, будто она пытается подавить волну тошноты или держит в руках дикобраза. Я начинаю хохотать, и через пару мгновений подруга присоединяется ко мне.

– Один фильм! И короткий. Очень короткий! – предупреждает она, пригрозив пальцем и сузив глаза в щелочки.

Я победно киваю. Джун не будет чувствовать себя комфортно без лифчика и в свободной одежде. Это во многом связано с ее мнением – с которым я лично не согласна, – что нужно носить одежду, сидящую по фигуре, чтобы все вре-

мя напоминать себе, что ты красива. Именно потому эта ее уступка так важна для меня...

– Кстати, откуда ты знаешь его имя? – я незаметно указываю на парня, который только что нас обслуживал.

– Оно написано на бейджике, детка! – Ничто не ускользнет от ее взгляда.

Мы молча ждем наших напитков, и Джун начинает медленно двигаться в такт музыке. Я чувствую, как напряжение, плохие мысли и беспокойство наконец полностью испаряются.

Когда Джек возвращается, я благодарю его и беру воду. Ледяные капли стекают через край, стекло стакана запотева-ет. Помимо нескольких кубиков льда в нем спряталась долька лимона. Мм-м, мне нравится. Затем он ставит на прилавок два коктейля, и я вижу, что Джун права – на его темной рубашке висит маленькая табличка с именем. И тут я кое-что вспоминаю...

– Прости, Джек? – начинаю я нерешительно. Он уже соби-рался отвернуться от нас, но теперь замирает и наклоняется ко мне, чтобы лучше слышать. – Моя подруга сказала, что вы, возможно, ищете помощников или что-то вроде того?

Джек несколько раз потирает свой гладко выбритый под-бородок.

– Да, может быть так. Сейчас спрошу, – говорит он мне, и я снова благодарю его. – К вам подойдут.

Звучит неплохо. Кажется, мне повезло.

– Вот видишь! – Джун торжествует и выглядит бесконечно гордой собой. – Я же помню, что где-то читала об этом.

– Так ты не была уверена? – Я недоверчиво смотрю на нее, но она лишь пожимает плечами.

– Я была почти на пятьдесят пять процентов уверена, а это больше половины, – решительным тоном заявляет она, как будто это теперь все объясняет.

– Сколько раз ты была здесь? – спрашиваю я, взяв в руки стакан холодной воды. Я хотела бы вылить ее себе на лоб, на шею и – чего уж там – на грудь тоже.

– Только дважды. Причем один раз очень недолго. Так что это может быть *наш* клуб, Энди! – торжественно объявляет она и выглядит так, будто сбывлась ее самая сокровенная мечта.

Я делаю глоток, прохладная жидкость стекает по моему горлу, и только теперь понимаю, как хотела пить.

– Боже, какое блаженство! – с восхищением произношу я. Джун уже сделала первый глоток своего коктейля и теперь подталкивала ко мне второй стакан.

– Подожди, пока не попробуешь вот это.

Смеясь, я убираю воду, отпиваю красочного коктейля – так и есть. Это определенно лучший коктейль, который я когда-либо пробовала. Не слишком сладкий, без терпкого послевкусия на языке, немного пряный и фруктовый на вкус. Мои глаза расширяются.

– Это бомба, – шепчу я. Пожалуй, все прошлые коктейли

в моей жизни были лишь жалким подобием этого напитка.

– О да! – стонет Джун после следующего глотка, и парень у нее за спиной немедленно поворачивается и оказывается рядом с ней. Я наблюдаю за каждым его движением.

– Эй, – начинает он наигранно низким голосом, и мне приходится приложить все усилия, чтобы не рассмеяться вслух. Вместо этого я крепко держу свой бокал и наблюдаю за подругой.

Сейчас будет что-то интересное... Джун раздраженно смотрит на парня в ожидании продолжения реплики.

– Я просто... – Он немедленно умолкает и хмурит брови. Я прямо вижу, как работают шестеренки в его мозгу. Что он может сказать?

Я услышал, как ты застонала, и подумал, что будет хорошей идеей сказать «эй»?

Кажется, он понял, что это действительно дерьмовое начало разговора. А я? Я отставляю коктейль в сторону и прикладываю руку ко рту, чтобы спрятать свою дурацкую улыбку, которая растянулась у меня на губах от этой мысли.

– Ну, я заметил тебя и думаю, что ты должна потанцевать со мной, – наконец продолжает он, причем очень уверенно. Не особенно красноречиво, но, по крайней мере, лучше, чем вариант, сложившийся в моей голове.

– О, я должна? – спрашивает Джун очень милым голосом, пока я мысленно взываю к парню: *Спасайся! Спасайся!* Я очень хорошо знаю, что это может плохо кончиться. По

крайней мере, если он не скажет сейчас что-нибудь стоящее или просто не уйдет прочь...

Но он, не трогаясь с места, продолжает подыскивать слова, его рот беспрерывно то открывается, то закрывается, и в тот момент когда Джун идеально отработанным движением поднимает бровь – только левую, вмешиваюсь я, потому что мне становится его жалко.

– Спасибо, что подошел к нам, но к сожалению, моей подруге это неинтересно. Мы тут кое-что празднуем. Но ты обязательно найдешь другую девушку, которая захочет потанцевать с тобой.

Он поворачивается ко мне так, как будто только сейчас замечает, что я вообще здесь, я гордо поднимаю подбородок. Его взгляд скользит по мне, и я отчаянно сопротивляюсь желанию убежать или, по крайней мере, закрыться руками. Ненавижу это. Приценивающийся взгляд. Я чувствую, как у меня начинают гореть щеки, а губы сжимаются почти до боли.

– А ты кто?

Он не имел в виду ничего плохого. Конечно, нет. Я уверена, что он пьян или... *или просто мудака*, шепчет тихий голос в моей голове. К сожалению, я не особо сообразительна в такие моменты, и нужные мысли приходят в голову обычно только несколько часов спустя. Или даже через пару дней. Недель... Так что теперь, вместо того чтобы бросить подходящий ответ прямо ему в лицо, я чувствую, как мне стано-

вится жарко, и я постепенно краснею.

– Тебе пора. – Джун уже закипает и вот-вот будет готова вцепиться ему в глотку. Если бы она была персонажем комикса, мы увидели бы огонь, пылающий в ее глазах, и пар из ушей и носа.

Совершенно неожиданно парень тянет руки к бедрам Джун, чтобы притянуть ее к себе или схватить за задницу, но она быстро отбивает его руки.

– Ой, да ладно тебе, крошка, – произносит он, и это уже не первая, но определенно самая большая ошибка, которую он совершил с тех пор, как подошел к нам, и это заставляет Джун окончательно потерять терпение.

До сих пор у нее был только один парень, и в тот год, когда они были вместе, он говорил ей именно эти слова – снова, снова и снова. Для нее они как красная тряпка для быка, и я могу это понять. Мне тоже не нравится эта фраза, и мне каждый раз сложно удержаться, чтобы не закатить глаза, когда слышу ее. Потому что никаких приятных ассоциаций она у меня не вызывает, а тон, с которым ее произносят, всегда одинаков – смесь негодования и раздражения и еще щепотка высокомерия или гнева в зависимости от ситуации. Я имею в виду, что хорошего можно донести этими словами? В лучшем случае они подразумевают что-то вроде: «Не веди себя так! В чем проблема? Не надо усложнять». Или: «Ничего ведь ужасного не случилось, это всего лишь поцелуй, не будь такой занудой». – Последнее относится к тому,

когда Дрю в последний раз сказал Джун: «Ой, да ладно тебе, крошка» после того, как она поймала его с Эмбер на заднем сиденье своей машины во время выпускного вечера. Он, вероятно, сказал бы что-то еще, если бы она не вытащила его из машины и не зарядила бы по его так называемому мужскому достоинству, да так, что он весь посинел, пытаясь собрать обратно свои яйца. Дрю все равно ничего этого не заслужил – ни Джун, ни своих яиц. Потому что он является одной из причин, почему моя лучшая подруга с тех пор не доверяет мужчинам, и потому что он заставил ее сомневаться в себе. В своей ценности, интеллекте и красоте. Так же как и несколько других парней после него...

– Знаешь что? Я была милой и готова была слушать твою странную болтовню, но только до тех пор, пока ты не оскорбил мою подругу, а теперь убирайся отсюда. – Прищурившись, Джун подходит очень близко к нему и сладко улыбается. Его приятели выглядывают у него из-за спины, как стервятники, чтобы ничего не пропустить. И тогда Джун шепчет: – Ты никогда не заставил бы меня стонать так, как этот коктейль.

Надо же, ей в голову пришла та же мысль, что и мне! Ну все, теперь с моим самообладанием покончено, смех вырывается у меня из груди. Да, пусть это немного жестоко, но давайте посмотрим правде в глаза – он не очень-то старался быть вежливым после отказа Джун. На заднем плане трое его друзей тоже смеются над ним, вероятно, не собираясь его

поддерживать. И я не стала бы их винить за это.

Оглядев меня напоследок и скривив от недовольствия губы, он неохотно уходит. Мудрое решение.

– Не-ве-ро-ят-но, – беззвучно говорит мне подруга, при этом она так гримасничает, проговаривая каждый слог, что я с улыбкой качаю головой в ответ.

Музыка становится все более приятной, ритм отдается во мне, и я снова смеюсь. Теперь уже не над парнем, а просто потому, что хорошо быть снова рядом с Джун и делать вместе первый шаг на пути к нашей цели. И потому что здорово не беспокоиться о своих проблемах хоть несколько минут. Я бы продолжила это завтра – все эти мысли о заботах, планах, списке неотложных дел и о жизни в целом. Завтра, но не сегодня. Сегодня я буду только слушать, как подруга рассказывает мне все подробности о студенческом общежитии, об отличных кафе и магазинах поблизости и об учебе. Я уже много знаю об этом, ведь, в конце концов, мы часто созванивались по телефону, но также часто мы не могли наговориться, тем более сейчас я наконец здесь. Я допиваю остатки коктейля из бокала и, к своему собственному удивлению, расстраиваюсь, что он закончился. Это было действительно вкусно. Поэтому я смотрю на подругу, немного выпятив нижнюю губу и демонстрируя ей свой опустевший стакан. Без сожаления, без тихого голоса в голове, который обычно заставляет меня сомневаться и обдумывать все снова и снова, снова и снова, и без угрызений совести по поводу того, что я не могу

позволить себе второй коктейль. И что я прошу о нем Джун таким образом.

Ей требуется несколько секунд, чтобы понять, чего я хочу от нее. И тогда ее глаза расширяются от удивления, она счастливо хлопает в ладоши, поворачивается и кричит:

– Джек! Нам нужно больше твоих чудесных коктейлей!

Несмотря на то что Джек не совсем рядом с нами, он, должно быть, услышал, потому что на его губах сразу же появилась улыбка, он довольно покачал головой, и не прошло и пяти минут, как у нас перед носом уже появляются новые напитки. Я тянусь к ним и слегка вздрагиваю, когда ощущаю чьи-то теплые пальцы вместо холодного стекла. Я смотрю вверх – прямо в светло-карие глаза, которые явно принадлежат не Джеку. Незнакомец отрывает руку, и я с любопытством разглядываю его. В ярком и рассеянном свете я могу различить бороду, волнистые темно-каштановые волосы, запоминающееся и при этом довольно серьезное лицо и широкие плечи. Когда мы молча смотрим друг на друга, возникает желание сказать что-нибудь, хотя бы что-то такое банальное, как «спасибо». Но когда я размыкаю губы и взгляд парня опускается на них, пока его собственные губы остаются сжаты в плотную линию, я не слышу ни звука. Вместо этого странное покалывание распространяется по моему телу, у меня пересыхает во рту. Я не знаю почему, но что-то в этом парне привлекает внимание, я словно очарована, не знаю почему.

Нет бейджика, – успеваю заметить я, и в этот момент он энергично отталкивается от стойки, разворачивается и быстро уходит в другой конец бара, чтобы поменяться местами с Джеком. Слишком далеко, чтобы я могла разглядеть что-нибудь еще. Особенно если учесть, что дым-машина работает уже вовсю.

Я снова тянусь за коктейлем, поворачиваюсь к Джун и вижу, как она ухмыляется. К счастью, она воздерживается от комментариев. Так же, как я сопротивляюсь изо всех сил, чтобы не вернуться в мыслях к безымянному бармену.

Вместо этого я полностью переключаю свое внимание на лучшую подругу, которая радостно чокается со мной бокалами.

– За нас! За университет, наше будущее и... – она колеблется, черты ее лица смягчаются, – за прошлое тоже. Мы, вероятно, не были бы здесь без него. Мы были бы не *нами*.

– За жизнь! – шепчу я и ударяю своим бокалом по ее. *Даже если иногда она может быть паршивой*, мысленно добавляю я и отпиваю первый глоток. Этот коктейль кислее, чем первый, с другими фруктами, но на вкус он так же хорош.

– Эй, – вдруг звучит теплый баритон рядом со мной, заставляя забыть короткую вспышку старых сладких и горьких воспоминаний, и пока я думаю – *нет, только не снова*, Джун уже начинает изливать свой гнев, прежде чем посмотреть в сторону говорящего:

– Я же сказала тебе убираться отсюда!

Ой-ой, это не тот парень. Мои глаза расширяются, и я мысленно кричу ее имя так громко, что она просто не может не услышать. *Джун... Джун!*

– Поищи кого-нибудь еще, кто будет стонать из-за тебя, потому что я буду...

О да, теперь она повернулась. Уголки губ незнакомца предательски дергаются, пока он внимательно изучает ее лицо. Я, в свою очередь, делаю то же самое в отношении его. Он выглядит довольно привлекательно, но при том вызывающе и чванливо. *Так вообще бывает?*

– Жаль, я был бы не против послушать твои стоны, – бодро отвечает он, делая шаг к ней, но не слишком близко. – Возможно, они звучат... как-то пискляво.

Несмотря на высокие каблуки, Джун приходится задрать голову вверх, чтобы посмотреть в глаза собеседнику. Я ясно вижу, как она мечется между извинениями и резкой ответной репликой. На этот раз я не вмешиваюсь, не влезаю. Честно говоря, я не могу придумать ничего, что могло бы спасти ситуацию. Черт, мой бокал снова пуст.

Они не перестают пялиться друг на друга. Что происходит? О чем они думают? Я слегка наклоняю голову и морщу лоб. Возможно, что-то типа: «Не играй с огнем, иначе можешь обжечься»? Или еще: «Ты меня раздражаешь, не смотри так на меня... Я все равно не сдамся...» А может: «Первым я взгляда не отведу». Хотя, скорее всего, им просто нра-

вится смотреть друг на друга, о чем это я?

Боже, я все-таки не переношу алкоголь...

Только теперь я замечаю, как шикарно одет этот парень, учитывая то, что он в клубе, а не на благотворительном вечере. В мерцающем свете сначала я этого не заметила.

Костюмные брюки антрацитового цвета, безупречная белая рубашка без единой складочки, которая выглядит дороже, чем все содержимое моего шкафа, и... я слегка наклоняюсь вперед – да, определенно какой-то фирменный лосьон после бритья.

Как раз в тот момент, когда я все же решаюсь что-нибудь сказать, потому что ситуация для меня более чем странная – какое-то соревнование, в котором нечего выигрывать, все и случается...

О нет. Я отставляю в сторону пустой стакан и не могу поверить в то, что собирается сделать Джун. Наверное, мне кажется. Наверняка так и есть. Я собираюсь протереть глаза, чтобы убедиться в реальности происходящего, но в нужный момент вспоминаю, что сегодня я была накрашена как надо, а не просто нанесла свою любимую помаду, и было бы лучше не трогать глаза, если я не хочу расхаживать весь остаток вечера, как панда.

Нет, нет, нет! Как в замедленном темпе, я вижу, как Джун вынимает стальную соломинку из своего бокала, двумя пальцами берет с его края кусочек ананаса, затем с улыбкой приподнимает бокал и... опрокидывает его прямо на мо-

лодого человека... Она наклоняет стакан все больше и больше, и я наблюдаю, как разноцветная жидкость медленно, но очень целенаправленно растекается по до тех пор безупречной белой рубашке неизвестного парня. Коктейль течет, и течет, и...

О боже. Я затаила дыхание и, широко распахнув глаза, смотрю, как Джун наконец опускает стакан и, в довершение всего, вешает на нагрудный карман рубашки этого парня маленькую дольку ананаса, которая теперь висит там, как полумесяц на небе, обрамляя его проступающий сквозь мокрую ткань сосок.

Джун продолжает улыбаться, любуясь своей работой, и выливает последние капли коктейля. Потом она кладет соломинку обратно в стакан и наконец убирает его в сторону, не сводя взгляда со своего противника и вызывающе задрвав подбородок.

Он даже не дрогнул. Выражение его лица изменилось, однако все равно осталось почти безэмоциональным, лишь жилка на его шее сильно колотится. Или я ошибаюсь? Что будет дальше? Хотела бы я посоветоваться с Джун, но кажется, это было бы сейчас неуместно.

Он так громко прочищает горло, что я слышу это, несмотря на орущую музыку и шум толпы вокруг нас.

– Меня попросил подойти Джек. Сказал, что кто-то ищет работу.

Черт возьми, нет! Его слова звучат для меня как приго-

вор и выбивают из легких воздух, словно резкий удар под дых. Мне плохо.

Как я могла забыть про это? Выпила уже два коктейля, не подготовилась к разговору, не продумала даже никакого плана! Проклятье, я даже не знаю, что это за работа... Помощником в гардеробе, верно? Джун говорила что-то подобное... А еще плюс ко всему благодаря лучшей подруге парень, который, возможно, будет решать, смогу ли я зарабатывать последующие несколько месяцев, и если да, то как много, стоит сейчас весь липкий от коктейля со вкусом мармеладных мишек. Наверное, в этот самый момент первые капли уже стекают у него по животу под рубашкой...

Это довольно дерзко, но хуже уже быть не может, поэтому я протягиваю ему руку, и после минутного колебания он пожимает ее.

– Я Энди, а это... э-э... моя подруга Джун.

Его взгляд снова падает на нее, он поджимает губы, она вызывающе скрещивает руки на груди. Тем не менее я вижу, как появляются крошечные улыбающиеся морщинки вокруг его глаз.

– Это я ищу работу, – наконец смущенно признаюсь я.

– Вы ведь нуждались в помощнице, не так ли? Энди была бы идеальной сотрудницей. – Джун сегодня в ударе. Она ни за что не сдастся и не извинится, как бы нелепо это ни было.

– Может быть, нам сначала поговорить о том, что это за работа такая... – бормочу я, но мои попытки вставить в диа-

лог хоть слово остаются тщетными.

– Умеет ли твоя подруга смешивать напитки?

– Она быстро учится.

– Быстро учится, привлекательно выглядит, – перечисляет он, пристально глядя на Джун, – и притом дружелюбная.

Это явный камень в ее огород, но Джун игнорирует его и со злобной ухмылкой отвечает:

– Именно.

Я стою буквально с открытым ртом, переводя взгляд с этого высокого парня в костюме на лучшую подругу и обратно, пока они говорят обо мне, как будто меня здесь нет.

Я недовольно щурюсь, снова пытаюсь сказать что-то – и меня снова перебивают. У меня начинает болеть голова.

В какой-то момент я теряю нить разговора и перестаю понимать, о чем вообще идет речь. Обо мне, о работе, о мире во всем мире, о ленивцах, о буррито... Ну все, теперь с меня точно хватит. Я сжимаю руки в кулаки и делаю глубокий вдох.

– Извините, но я стою рядом с вами! Нет, «она» не может работать за барной стойкой. Сожалею. Спасибо за предложение.

Даже если это не совсем так, в любом случае мне не нравится роль мяча на этом странном матче.

– Она принята на работу, – внезапно говорит парень.

Мне требуется немало времени, чтобы осознать, что он сказал. *Что, просто так? Это из вежливости? Может, у*

них какие-то проблемы? Или он психопат? От изумления я моргаю слишком часто и слишком быстро и в этот момент, вероятно, выгляжу очень глупо.

– Кстати, меня зовут Мэйсон Грин. – Выражение его лица представляет собой бесценное зрелище, особенно когда Джун на мгновение вздрагивает. Одновременно со мной она понимает, на кого вылила свой коктейль. – Клуб закрыт по воскресеньям и понедельникам, рабочая неделя начинается во вторник, встреча команды в три часа.

Он выуживает дольку ананаса из нагрудного кармана, кусает ее, жует и дерзко улыбается Джун. Черт возьми, как он умудряется так хорошо выглядеть, поедая этот проклятый ананас, несмотря на мокрую и липкую рубашку?!

Он наклоняется вперед и шепчет что-то на ухо Джун. Я совсем не хочу знать, что именно. На мгновение ее глаза расширяются, после чего она сужает их в щелочки. Клянусь, будь у нее еще один коктейль, который можно было бы вылить вслед за предыдущим, это она и сделала бы.

Мэйсон улыбается мне и, проходя мимо, небрежно прощается:

– Не опаздывай, Энди.

– Ты, идиот, конечно, она придет вовремя! – кричит Джун ему вслед, и я вижу, как он продвигается сквозь толпу к выходу, немного приподняв руку. К счастью, он не обернулся напоследок, потому что тогда он заметил бы, как Джун пылко демонстрирует ему свой средний палец.

Он проигнорировал меня. Джун проигнорировала меня. Я ненавижу это почти так же сильно, как когда меня застают врасплох.

Голос Тейлор Свифт вырывается из динамиков с ее *“Look What You Made Me Do”*, и я думаю о том, что так могла бы звучать моя речь на похоронах Джун, если я поддамся желанию ударить ее теми убийственными туфлями, в которые сегодня закованы мои ноги.

– Ну, все прошло отлично, не правда ли?

Джун тем временем как ни в чем не бывало уже заказывает новые напитки, а я все еще ищу слова, чтобы выразить то, что я думаю и чувствую по поводу всей этой ситуации.

– Прошло отлично? – недоуменно повторяю я. – Что это было?! Я единственная, кто считает, что это полное безумие? Еще и немного пугающее...

– У тебя есть работа! Пункт номер два в твоем списке помечен галочкой. – Она улыбается мне, мимолетно забыв о том, что только что произошло. В отличие от нее я пока не смирилась с увиденным.

– Мэйсон Грин. Это был... неужели он? Пожалуйста, скажи, что это не он, – молю ее я, но Джун выдает лишь вымученную улыбку. – Это был мой будущий босс, и ты... – Мне не нужно договаривать предложение. Кто бы мог подумать, что владельцу этого клуба нет и тридцати лет?

– Он заслужил, – мямлит Джун мне в ответ, и я чувствую, что готова схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть.

– Я не могу стоять за баром! – вырывается у меня крик злости и отчаяния. – Я не умею смешивать напитки, коктейли я пью только с тобой за компанию и даже не имею ни малейшего представления о том, сколько их всего существует. Черт, я даже не знаю, как называется эта разноцветная жидкость в моем бокале.

– Ты все это выучишь! Главное, что у тебя есть работа.

– Джун! – настойчиво повторяю я. – О чем ты говоришь? Что это, черт возьми, было?

Подруга закусывает нижнюю губу и смотрит на меня извиняющимся взглядом. Я вздыхаю и потираю лоб, чтобы успокоиться.

– Ты упоминала работу в гардеробе, Джун. Меньше музыки, меньше стресса, больше курток и пальто.

Я не хочу злиться на нее, да я и не злюсь, просто данная ситуация ужасно меня нервирует, а я лелеяла хоть небольшую надежду на то, что начало новой жизни в этом городе пройдет несколько лучше. Несколько... менее беспорядочно, волнующе и неприятно.

– Гардероб или барная стойка – разве это так важно? Главное, что это работа. Поздравляю, Энди, у тебя получилось! Ты смогла это сделать!

Ю-ху! Вот и начало конца. Я чувствую это.

3

Если в вашей жизни все вдруг стало подозрительно гладко, слишком гладко, то это, вероятно, лишь затишье перед бурей.

Энди

– Все в порядке, сестренка, – в сотый раз произнес Лукас. Мне впервые удалось связаться с ним с тех пор, как я приехала сюда пять дней назад.

– Ты уверен?

– Я не знаю, что еще сказать, чтобы ты поверила мне. О животных заботятся как надо, и они всем довольны, за исключением Фреда, но когда он бывает счастлив?

Я молча киваю, слушая его список. Да, так и есть. Фред – это наш толстый бездомный кот, который живет на улице вместе со скотом, у него всего шесть зубов и полтора уха, и он приходит на веранду, чтобы поесть или пожаловаться, прямо как настоящая дива.

– Я делаю домашнее задание, у папы каждый день на столе есть еда, и он от нее не отказывается.

– Приятно слышать.

Я нервно сглатываю и чувствую, как начинает кружить-

ся голова и мне становится трудно дышать. Я пытаюсь прогнать комок, который застрял в моем горле, словно паразит, и быстро разрастается все больше и больше...

Было время, когда папа ел очень мало или даже совсем ничего, и штаны уже начали сваливаться с него. Это было, когда мама болела, и становилось все хуже... Болела она долго. Когда наш обеденный стол оказался полностью завален счетами, почти каждый второй из которых начинался со слова «Предупреждение», и когда доктор однажды сказал моему отцу в коридоре больницы, что он не знает, сможет ли мама когда-нибудь вернуться домой. Он думал, что мы этого не узнаем, но мы подслушивали. Я до сих пор отлично помню эти слова и тихие рыдания отца и жалею, что врач оказался прав.

– Он даже снова съел немного арахиса, – гордо хвастается Лукас, и я чувствую облегчение, которое наполняет меня, и я шумно выдыхаю.

Мама любила арахис. Значит, он больше не избегает воспоминаний о ней. Да и как это возможно? Мама везде в нашем доме. Я прямо вижу, как она стоит на кухне, готовит вкусную пасту, вижу, как она треплет Лукаса за уши, потому что он не слушается, и как она не спит возле нашей постели, потому что мы заболели или кому-то из нас снятся кошмары. И как она смотрит на папу, влюбленно и мечтательно, пока он не видит. Мама – это каждый уголок нашего ранчо, каждая тень, каждый лучик света, который проникает через

окно. Это ее жизнь, ее мечта...

Нет. Это *было* мамино ранчо, ее жизнь и ее мечта. Но когда она ушла, мы продолжали чувствовать, что она все еще там, – и ужасно не только это само по себе, но и последствия.

Лукасу пришлось остаться на второй год, потому что «он слишком сильно переживал из-за мамы». Так сказала директор школы. Вспоминая об этом, я снова качаю головой. «Слишком много»? Как можно слишком много скорбеть? Если такое вообще бывает, то кто определяет нужное количество переживаний? Кто имеет на это право?

Лукас был, конечно, совершенно выбит из колеи. Мы вместе. Я чуть не завалила выпускные экзамены, потому что мне приходилось заботиться не только о маме, но и о Лукасе, и о папе, и в какой-то момент я почувствовала, что если опущу руки, то ничто уже не сбережет нашу семью. Даже Джун, которая продолжала помогать на ранчо и всегда поддерживала меня, причем на ее оценках это никак не отразилось – в отличие от моих. Папа бросил работу учителем и посвятил все свое время маме и работе на ранчо. Что было с финансами? Ну, я посмотрела на деньги, отложенные на мое обучение в колледже, и сделала выбор между беззаботной студенческой жизнью и спасением своей матери. Решение было несложным. К сожалению, я не получила ни того ни другого...

Я негромко прочищаю горло и возвращаюсь к разговору.

– Где сейчас папа?

– Внизу со Стивом, они хотят отвести скот на другое паст-

бище.

– Хорошо. Скажи ему, что я звонила и что у меня все в порядке, что я скучаю по нему и он должен беречь себя, и...

– Энди! – Лукас прерывает меня. – Я передам. Все в порядке. Мы сыты, здоровы, а насчет белья...

– Почему ты запнулся? Что там насчет белья?

– Алло? Ты слышишь меня? Кррр... Крччхх... Я еду через тоннель, тут очень плохо ловит связь.

– Я звоню тебе на домашний, – укоризненно отвечаю я.

– Вот блин! – ругается он. – Да так, ерунда. Уверен, это могло случиться и с тобой! Никакой катастрофы, просто папе нужны новые белые рубашки и носки...

Последнее предложение он бормочет возмущенно и виновато одновременно. На моих губах появляется улыбка.

– Ты не разделил перед стиркой белье, – догадываюсь я и сразу слышу его недовольное мычание. Лукас всегда пытается помочь, чем может. К сожалению, обычно у него это не так хорошо выходит.

– Честно говоря, это не моя вина. Папа кидает свои вещи вперемешку, и стирка одежды всегда была для меня загадкой, понимаешь? Это загадка!

Теперь я ничего не могу поделать и начинаю громко смеяться.

– Смейся, смейся. Еще мой любимый свитер подойдет теперь разве что Эдди. Такой отстой...

Эдди – это папин маленький поросенок. Теперь я уже едва

могу дышать от смеха.

– Пожалуйста, пришли мне фото, если когда-нибудь сможешь нацепить его на Эдди!

Я слышу, как брат фыркает от возмущения. Уверена, что при этом он показывает мне язык.

– Я скучаю по вам, – признаюсь я.

– Тебя нет всего несколько дней. Мы справляемся. Кроме того, Тим и Стив рядом и помогают нам. Как и всегда.

– Я знаю.

– И эта твоя папка! – Я почти вижу, как он закатывает глаза.

– Если бы ты заглянул в нее, то мог бы сейчас носить свой свитер.

– Забавно! Папка настолько толстая, что ее даже трудно закрыть. Я никогда не видел так много инструкций в одной стопке. Надеюсь, ты не указала там, когда нам разрешено пользоваться туалетом или что-нибудь подобное.

– Не борзей!

Теперь он смеется.

– Я переставил специи на кухне.

Я расширяю глаза от ужаса.

– Ну ты и чудовище!

– У нас все хорошо, Энди. И я правда все передам папе. Не волнуйся и береги себя, хорошо?

– Конечно. Вы тоже.

– Угу. До скорого.

– Подожди! Ты же не переставил банки со специями в самом деле?

– Кто знает... кто знает...

Я слышу подлую ухмылку в его голосе.

– Лукас! Скажи, что ты этого не делал. Я серьезно.

Пип-пип-пип...

Конец разговора. Он просто повесил трубку. Он никогда не делал так раньше, но в свои прекрасные пятнадцать становится все более дерзким. Я искренне надеюсь, что специи по-прежнему стоят на своих местах, хорошенько отсортированные.

Довольная разговором с братом, я улыбаюсь своему мобильнику и смотрю на часы, прежде чем отложить телефон в сторону. Я жду Джун, которая встала довольно поздно и, вероятно, была пока в душе.

Из коридора доносятся шумы и звуки, радостный смех, многочисленные шаги и стук дверей. Новый семестр начнется буквально через неделю, и первые студенты уже возвращаются после каникул или приезжают впервые, как я.

Пока я меняю позу – скрещенные ноги уже онемели и их покалывает, тянусь к ручке, которую я заранее достала из сумки и взяла с собой на диван вместе с блокнотом. Когда я открываю его, мои планы, списки и рассуждения по поводу учебы и Сиэтла обрушиваются на меня. Дома у меня остались десятки тетрадей и блокнотов разных размеров и цветов, разложенных по коробкам, и все они заполнены от пер-

вой до последней странички. Они – часть моей жизни, часть меня.

Мне всегда нравилось записывать все: мысли, желания, мечты, планы, списки покупок, какие-то отдельные пометки, которые я сама потом не всегда могу расшифровать... Да, мне это нравится, но, если честно, это своего рода вынужденная мера. Из-за страха забыть или упустить что-то, который слишком велик. Вообще-то это еще не вся беда. В моей голове все должно быть разложено по полочкам, проанализировано и отсортировано, должно иметь объяснение и быть приведено в систему. Мои критерии – просто и эффективно. Поначалу это может звучать неплохо, но когда эти «просто» и «эффективно», с моей точки зрения, вдруг сталкиваются с идеями других людей, то появляются трудности. К сожалению, это касается не только заметок и списков дел, но и всех других областей моей жизни.

За последние несколько лет ситуация стала лучше. Благодаря Джун я чаще могу расслабиться и успокоиться, но все равно никак не могу преодолеть себя. Я понимаю, что это скорее нервный тик, чем вредная привычка, почти что невроз, но я уже привыкла, можно жить и так. Это не особенно беспокоит, ни в чем меня не ограничивает и не мешает жить дальше. Пока я никому не причиняю вреда, делая то, что хорошо для меня, то это, в принципе, не имеет никакого значения. Ну и что, что полотенца в ванной должны, на мой взгляд, висеть в определенном порядке, а специи на кухне

обязательно следует расставлять не по алфавиту, а по частоте использования?.. Я страдальчески кривлю рот перед тем, как мысленно рассмеяться, потому что мне нужно снова поговорить с Лукасом.

Боже, пожалуйста, пусть он изучит мою папку.

А еще... это напоминает мне о маме. Она была похожа на меня. Нет, вернее, я похожа на нее в этом вопросе.

Я резко отбрасываю блокнот и ручку, так и не записав ничего полезного, и встаю с дивана, потому что не хочу снова думать об этом тяжелом времени. Я хочу развеяться и отвлечься, поэтому наконец поправляю свечи на столе, чтобы они соответствовали друг другу по размеру и не стояли беспорядочно. Затем я прохожу мимо комода, начинаю тихонько напевать, переставляя декоративные статуэтки и безделушки на нем, затем принимаюсь за полку красного дерева, стоящую у окна. Я вытаскиваю диски с фильмами и книги, чтобы отсортировать их по темам, а также по размеру и внешнему виду. Уборка и наведение порядка, создание системы – вот во что я могу уйти с головой, в чем я могу раствориться. Иногда я даже делаю это подсознательно, и мне это нравится. Это помогает мне быть в хорошем настроении, в гармонии. Вероятно, по этой причине, когда я добираюсь до нижнего ряда полок и сижу перед ними на полу со скрещенными ногами, то не сразу замечаю, что кто-то вошел в комнату.

– Что ты там делаешь? – доносится чей-то незнакомый

голос, и, вздрогнув от ужаса, я перестаю листать и бросаю журнал, который спасла из застрявшего положения между стеной и полкой, и поворачиваю голову. На пороге стоит какая-то девушка, дверь за ней открыта. Судя по большому чемодану рядом с ней, это, наверное, соседка Джун. Разве она не должна была вернуться лишь через несколько дней?

– Привет! Сара... правильно? – мягко спрашиваю я с улыбкой, поднимаясь на ноги, чтобы поприветствовать ее.

Но по ее второму взгляду, когда я подхожу к ней ближе, понимаю, что, возможно, она мне не рада. Мои шаги замедляются, и я чувствую себя менее уверенно.

Вытянув руки по швам и смерив меня холодным взглядом, она держится на приличном расстоянии от меня. *Что, Джун ничего ей не сказала?*

– Прошу прощения, я жду Джун. Меня зовут Энди, – объясняю я, но не протягиваю Саре руку, как собиралась изначально.

Учитывая то, как она выглядит, как поджимает губы и смотрит на меня, как ее скулы выделяются на фоне плотно зачесанных назад и завязанных в косу волос, она, вероятно, в любом случае не ответила бы на этот жест.

Ни улыбки, ни приветствия, ни чего-то типа: «О, ты Энди! Приятно познакомиться». Это заставляет меня нервничать, но еще больше меня это злит. Мне не нравится, когда люди откровенно, даже не поздоровавшись, начинают вести себя невежливо.

Моя недавняя надежда на то, что Джун преувеличила свою неприязнь к Саре и искадила ее описание, незамедлительно рушится – пока что та не вызывает у меня ни малейшей симпатии.

Поскольку она все еще молчит, продолжая сверлить меня взглядом, я начинаю диалог снова:

– Как я уже сказала, я жду Джун.

Мне становится действительно некомфортно. Ладони начинают потеть, и я разминаю пальцы, чтобы хоть чем-то занять себя.

– Я поняла это, – отчетливо произносит она. – Я знаю, кто ты. Джун сказала, что ты приедешь. Я имела в виду – что ты делаешь там, на полке?

Я следую взглядом к полке, туда, где прибиралась последние полчаса, и мгновенно понимаю, о чем идет речь.

– Я смотрела книги, – уклончиво отвечаю я. Это не ложь, но и не вся правда.

– Ты все раскидала, – заявляет она, и тон ее голоса не обещает ничего хорошего.

– Раскидала?! – Она шутит? На полке царил такой же беспорядок, как у Лукаса под кроватью. – Но я...

Мне хочется объяснить ей, почему я это сделала, и убедить, что теперь все можно найти, даже те вещи, о которых они, вероятно, даже не знали. Но я не успеваю ничего сказать, потому что Сара оставляет свой чемодан, подходит ко мне и немедленно прерывает меня:

– Это не твоя полка, Энди, не твои книги, не твои фильмы и... – Она оглядывается по сторонам. – Черт возьми, свечи, вазы и журналы тоже не твои.

Она громко отчитывает меня язвительным и высокомерным тоном, и я слишком озадачена этим, чтобы как-то возразить. Не то чтобы я была особенно сообразительна в подобных ситуациях, но то, как она разговаривает со мной, полностью лишает меня дара речи, несмотря на то, как сильно мне хотелось бы дать ей отпор. Как я уже упоминала, подходящие реплики всегда приходят ко мне гораздо позже – в отличие от Джун, которой всегда есть что ответить сразу, – и в этом я ей крайне завидую.

– Чтобы было понятно: ты здесь не живешь. Тебе нельзя ничего трогать и передвигать.

– Ты серьезно?

К сожалению, слова доносятся не из моего рта, как бы я этого ни хотела, они принадлежат довольно рассерженной Джун, которая незаметно появилась в дверном проеме с банными принадлежностями под мышкой, в бирюзовом тюрбане из полотенца на голове, уже одетая и накрашенная, но все еще в розовых плюшевых тапочках.

Сара резко вздрагивает, прежде чем повернуться к Джун, которая подходит и встает рядом со мной. Я виновато смотрю на подругу, поджав губы. Если бы она дала нам немного больше времени, то мне обязательно пришла бы в голову какая-нибудь хорошая фраза, которую я смогла бы донести до

Сары. Да, обязательно...

– Ты, как я понимаю, вернулась домой не больше двух минут назад, и вместо того, чтобы вести себя как нормальный человек, строишь из себя надменную суку! – продолжает Джун, что только злит Сару еще больше, и она прищуривается.

Что касается меня, то я тем временем мысленно болею за лучшую подругу, чувствуя себя девочкой-чирлидером, танцующей с помпонами в ее поддержку. В то же время с другой стороны на сцену выходит моя совесть и почему-то хочет защитить Сару. Я тихонько вздыхаю. Наверное, потому что она кое в чем права – я не живу здесь, это не моя комната. И не мои вещи.

– Наверняка она не имела в виду ничего плохого – я с трудом верю, что говорю это, но не могу иначе.

– Ах, нет? Значит, она не была грубой и неприветливой?

Судя по тону, с которым Джун задает мне этот риторический вопрос, Сара ведет себя так нередко и, видимо, даже по отношению к ней. Они разгневанно смотрят друг на друга, и если представить их персонажами мультфильма, то сейчас их глаза загорелись бы красными огнями и они, вероятно, пулялись бы лазерными лучами.

– Я начала прибираться здесь, – добавляю я, но Джун и так знает, о чем я говорю. Она отводит взгляд от своей соседки и осматривает помещение, в котором мы находимся.

– Ну и? Комната выглядит немного иначе, но я не вижу

никакой новой мебели или чего-либо, что ты выбросила или сломала. Так что нет никаких причин вести себя как дерьмо.

Теперь она снова смотрит на Сару.

– Она здесь только гостя, не более того. Помни это! Может быть, тебе стоит объяснить ей это еще раз. Гости, как правило, не наводят порядок в чужих домах.

– А хозяева этих домов, как правило, не такие резкие и невежливые, как ты! – энергично парирует Джун. Что бы я сейчас ни сказала, ее уже не остановить. Энди-чирлидер внутри меня так же победила мою совесть, вытеснив ее из поля зрения, и теперь радостно взрывала конфетти-хлопушки.

Давай, Джун! Вперед, вперед, вперед!

– Энди находится тут, потому что я этого хочу, и я тоже здесь живу. Она ничего не сломала, все журналы принадлежат мне, а диски с фильмами, как и большинство книг, были принесены из библиотеки. Твои личные вещи никто не трогал. Ой, подожди-ка, никто и не смог бы, ведь ты заперла дверь! А эта комната настолько же моя, как и твоя. Точнее, она вообще не наша, Сара! Она принадлежит, блин, администрации общежития. Так что прекрати вести себя как ребенок, найди в себе хоть немного доброты и человечности и хоть раз сделай вид, что для тебя важно что-то, кроме тебя самой.

Никто больше не произносит ни слова. Я едва смею дышать. И пока Сара, сердито фыркнув, берет чемодан и тол-

кает его к своей комнате, пристально смотрит на меня, будто я была тараканом, которого она не прикончила первым ударом, но которого она определенно собирается добить со второго раза. Однако я выдерживаю ее взгляд, вместо того чтобы опустить глаза.

После того как Сара скрывается у себя за дверью, Джун смотрит на меня в замешательстве. Она закрывает входную дверь, чтобы другие студенты больше не заглядывали время от времени посмотреть, что тут у нас происходит, и затем утаскивает меня в свою комнату. Здесь нас окружают приятные пастельные тона.

– Я не должна была трогать ваши вещи, это действительно не моя полка. Мне жаль... Я не хотела, чтобы из-за меня тебе снова пришлось ругаться с ней. Но, слушай, ты была права! Она та еще стерва.

– Что? Энди! Я посмотрела на тебя так, потому что не понимаю, как Сара могла так мерзко вести себя с тобой! Иногда я просто отказываюсь верить, насколько отвратительной она может быть. – Джун делает несколько глубоких вдохов и выдохов и бросает сумку для банных принадлежностей на свою широкую двуспальную кровать, застеленную пушистым пледом. – Я не хотела так шуметь, я знаю, как сильно ты ненавидишь, когда люди повышают голос и ругаются, но другого пути у нас нет. Мы даже не можем смотреть друг на друга без злости. Последние несколько месяцев она ведет себя как настоящая тварь, я больше не могу этого выносить.

Не скажу, что могу понять ее – как, впрочем, и саму Сару, – независимо от того, как вела себя ее соседка. Кроме того, я вынуждена признать, что Джун не хочет смотреть правде в лицо. Я действительно не живу здесь, и сейчас я все еще понятия не имею, куда мне податься со всей моей одеждой, книгами и другими вещами. Проблема не в ней, не в Саре, не в уборке, а в том, что у меня нет никаких иных вариантов.

– Джун? – Как будто зная, что последует за этим, она уворачивается от моего взгляда и начинает бесцельно водить какой-то безделушкой влево-вправо по своему совершенно заваленному письменному столу, который в основном служит ей туалетным столиком. Независимо от того, как часто я буду наводить на нем порядок, на следующий день он будет выглядеть снова так же. Так было всегда, даже у нас дома. – Давай сходим поедим куда-нибудь и поищем комнату или квартиру для меня, прежде чем я пойду на свое собрание. Чем раньше мы начнем, тем лучше. Нет смысла откладывать.

Конечно, в течение последних нескольких недель я изо всех сил старалась найти что-то еще из дома, но безрезультатно. Все приличные квартиры и комнаты исчезали довольно быстро, либо были слишком дорогими, или же оттуда до Харбор-Хилл можно было добраться только на автобусе или поезде и не меньше чем за три часа. Тем не менее, хочу я этого или нет, доступная цена – это критерий номер один в моем списке. Следующим по важности будет местоположение жилья, так чтобы дорога до университета на автобусе за-

нимала не больше двух часов.

Я делаю несколько шагов, преодолевая короткое расстояние между нами, и обнимаю Джун со спины.

– Ты должна жить здесь, Энди. Таков был наш план. Нам надо держаться вместе, – почти шепотом бормочет она, и по голосу я слышу, как сильно она этого хочет. Точнее, я и без того знаю это наверняка, потому что сама хотела бы, чтобы все сложилось таким образом. Но некоторым вещам не суждено сбыться. А другим вещам просто требуется больше времени.

Но мы сделаем все возможное.

* * *

Джун никогда не скрывала, что ей не нравится Сара, но я не знала, насколько сильно они не выносят друг друга. Моя лучшая подруга, вероятно, намеренно не хотела этого, потому что понимала, что в противном случае я бы никогда не согласилась остаться с ними на неопределенный срок. Я думала, что это были обычные разногласия, незначительные претензии, но почему-то сейчас я не могла избавиться от ощущения, что между ними развилось нечто гораздо большее, чем обычная неприязнь. В конце концов, такой глубинный гнев и раздражение должны были иметь какое-то основание.

Не сейчас. Позже я спрошу ее об этом. Но теперь мне надо полностью посвятить себя тому, ради чего мы пришли

сюда.

Ноутбук Джун стоит на столе между нами, развернутый по диагонали, так что мы обе хорошо видим рекламные объявления, которые отображаются на экране.

Две комнаты, в подвале, без окон – звучит жутко.

Одна спальня, ванная комната и кухня – все в одном. Я нахмурилась.

– Как они это себе представляют? Я имею в виду, разве кто-то может пользоваться туалетом и готовить одновременно? – спрашиваю я у Джун в перерыве между глотками горячего шоколада, и ей приходится быть осторожной, чтобы не поперхнуться и не выплеснуть кофе на стол.

– Как насчет этого предложения? – Я указываю на объявление ниже.

– Подожди, сейчас посмотрим.

Джун высовывает язык. Виден лишь его кончик, и кажется, будто она его при этом немного подкручивает. Она всегда так делает, когда концентрируется на чем-то.

– На другой стороне залива, и... ого!

– Более двух тысяч долларов, – шепчу я. – Две просторные и светлые комнаты, недалеко от университета.

– Мы знали, что тут недешево, но... – Джун не заканчивает фразу, но это необязательно.

Эта квартира одна из самых простых, без излишеств... – пугающая мысль пронзает мою голову, и волна отчаяния охватывает меня. Пока Джун прокручивает список предло-

жений и объявлений о поиске соседей по комнате, у меня появляется неприятное чувство в животе. Может, надо было подождать? Стоило не торопиться, остаться дома еще на год и найти там работу, чтобы отложить больше денег?

Неужели я не справлюсь?

– Спальня, кухня, небольшая ванная комната. Всего полчаса на автобусе и довольно дешево, – оценивает Джун.

Она открывает фотографии, и они смотрятся неплохо – не слишком тесно, зато опрятно и чисто, для меня было бы абсолютно достаточно. Я уже готова обрадоваться, пока не читаю описание.

– Договор аренды должен быть подписан минимум на два года. – Я разочарованно потираю рукой шею и глубоко вздыхаю. – Сохрани это объявление. Если мы не найдем ничего другого в ближайшие дни, я вернусь к нему. Это лучше, чем ничего.

– Ты уже подала заявку на место в общежитии на следующий семестр?

Я киваю.

– Да, подала. Будем надеяться, что ее одобрят.

Если нет... Тогда я не смогу полностью закончить учебу без дорогостоящего кредита. А мама всегда говорила, что тратить деньги, которые тебе не принадлежат, – это крайняя мера. Уж никак не первый и, конечно, не самый лучший вариант. Квартира с последнего объявления достаточно дешевая, но если бы мне пришлось остаться там на два года,

несмотря на то что вместо этого можно было бы получить комнату в общежитии, которая стоит намного дешевле...

– Все будет хорошо, – смело говорит мне Джун и ласково толкает меня в бок. – Лучше подумай о том, как не потерять работу в баре, на которую ты только что устроилась.

– Спасибо, я и так уже вся в предвкушении, – бормочу я, от чего она только смеется. – Да, ты можешь смеяться! Тебе не придется стоять там и смотреть в лицо своему боссу, которого твоя лучшая подруга облила алкоголем. Еще раз спасибо.

– Он наверняка давно забыл об этом. А сейчас с меня хватит! – Джун энергично захлопывает крышку ноутбука. – Мы найдем тебе что-нибудь. Если не сегодня, то завтра или на следующей неделе.

– Джун, – тихо протестую я. Будет лучше, если мы не станем откладывать этот вопрос.

– Давай сделаем перерыв, – просит она, и я соглашаюсь. Поищу еще потом сама. – А пока ты поживешь у нас, как договаривались. Если Сара снова начнет возникать, я поговорю с ней, в конце концов, ты теперь будешь спать в моей комнате, а не на «нашей общей площади», как она это называет. Ничего, переживет как-нибудь.

– Надеюсь. Если что, я могла бы провести первые несколько дней в мотеле или чем-то подобном, но... так я сразу потратила бы приличную часть оставшихся денег, которые нужны мне для учебы и арендной платы за первый месяц...

Мне и так стыдно, что у меня есть эти деньги. Такая глупость... Джун сразу понимает, что происходит в моей голове.

– Энди! Прекрати. Твой отец будет в порядке, а Лукас – тем более. Сейчас ты должна позаботиться о себе. А в остальном: ты ничего не могла изменить.

– Знаю.

Но от этого мне не легче. Я скучаю по маме.

Я не говорила Джун, что от моих сбережений на колледж почти ничего не осталось. В любом случае она, вероятно, догадывается сама, поскольку у нее есть особое чутье на подобные вещи и она знает, что в нашей семье происходило в последние годы, ведь она была с нами. Но если бы я сказала вслух, это стало бы более реальным, более страшным. И я не хочу этого.

Джун делает еще глоток кофе и слегка морщит лоб.

– А когда тебе нужно идти на это служебное собрание?

Мы обе смотрим на часы, и я едва могу сдержать крик. Я отчаянно вскакиваю и в панике хватаю свой рюкзак.

4

Жизнь – это вечный поиск баланса между «Все будет хорошо» и «Черт, черт, черт!»

Энди

Я опаздываю... Боже, я ведь никогда не опаздываю!

Джун хотела показать мне короткий путь от кафе до клуба, но ей надо было сперва убрать в сумку ноутбук и найти по карманам деньги, чтобы расплатиться за кофе, а это заняло бы еще целую вечность. Короче говоря: ждать ее было бы слишком долго, поэтому я пошла одна. К счастью, подруга оказалась права, и до MASON's можно было легко и быстро добраться от нашего кафе. Точнее, это было бы легко, если бы я не побежала в неправильном направлении на повороте, что неудивительно с моим топографическим кретинизмом – у меня постоянные проблемы с запоминанием дороги, – а мобильный телефон и карты Google, как назло, подвели меня на этот раз.

Пришлось бежать – и я побежала. Так, будто моя жизнь зависела от этого. И, честно говоря, это не так далеко от истины. Даже при условии, что мое *собеседование* – если его можно так назвать – прошло очень странным образом и я

ничего не смыслю в этой работе, она нужна мне!

Я не хочу сдаваться и не буду сидеть в подвальном помещении без окна и задаваться вопросом, смогу ли я когда-нибудь выбраться оттуда. Я хочу пойти в университет, где учились мама и папа, и осуществить свою мечту вместе с Джун. Поэтому я здесь.

Когда я наконец добираюсь до входа в клуб – внутренне ликуя, но задыхаясь и обливаясь потом – и останавливаюсь под большой вывеской, которая выглядит совсем неприметной днем, я чувствую, что вот-вот рухну. Мои легкие еще немного и лопнут.

Просто минутку отдышаться, – думаю я и опираюсь руками на бедра, которые пылают как огонь. При этом я довольно строго разговариваю со своим телом, призывая его собраться с силами.

Промчаться по улицам с рюкзаком, который прыгает взад-вперед у тебя за спиной, это, конечно, утомительно, но такой небольшой забег не может привести меня к состоянию, близкому к коме. В конце концов, я работала на ранчо, росла там и регулярно гонялась за курами и свиньями. Время от времени и за сунсами. Ну, в основном я, наоборот, убегала от них, но сейчас это не так важно.

Боже, я никогда не отдышусь.

Бросаю взгляд на часы: десять минут четвертого. Черт, черт, черт!

Главный вход, кажется, открыт, по крайней мере, жалюзи

над ним подняты почти до верха, поэтому я решаю попробовать и, еле держась на ватных ногах, толкаю тяжелую железную дверь, которая с трудом поддается. Но все-таки поддается! К счастью. Если бы мне пришлось еще искать черный ход для сотрудников или что-то в этом роде... Не хочу даже думать об этом. Я протискиваюсь внутрь и вижу, что в глубине клуба горит свет.

Хорошо, надо еще немного поднажать. Я тороплюсь по коридору, мимо пустующего гардероба и кассовой стойки, вперед, к красивому залу, и когда дверь захлопывается позади меня с оглушительным ударом, я, не думая, выкрикиваю: «Извините!»

В первую очередь я имею в виду не грохот, а свое опоздание. *Будь ты проклята, Джун! Ты, и твой ананасовый коктейль, и твой болтливый рот.* «Конечно, она придет вовремя!» – мысленно передразниваю я подругу. *Да! Обычно вообще-то так и есть.*

У меня вырывается стон отчаяния, когда я вспоминаю, что было в тот вечер и что я действительно пришла сюда, чтобы стать барменом. Я была бы хорошим библиотекарем, отличным менеджером по маркетингу или по подбору персонала и в крайнем случае могла бы сносно ухаживать за животными, по крайней мере, если это не попугаи. По каким-то необъяснимым для меня причинам они кажутся мне очень страшными. Но это?! Правду говорят: тяжелые времена требуют жестких мер...

– Извините, – выдыхаю я еще раз, когда наконец останавливаюсь.

Мое дыхание стучит в ушах так громко, что я едва в состоянии воспринимать что-либо еще. Вся кожа покрылась потом. Вероятно, волосы растрепались и торчат по сторонам, несмотря на косу, начинают завиваться. Это не было запланировано, как и некоторые вещи в последние годы. А вещи, которые не запланированы, заставляют меня ужасно нервничать. Я потею, у меня пересыхает во рту, и я чувствую себя так, будто только что сделала три круга на американских горках после того, как объелась хот-догами. Как же я это ненавижу.

Через несколько мгновений я замечаю изменившуюся атмосферу этого места в дневное время. Сейчас тут светлее, спокойнее и прохладнее. Несколько человек сидят на стульях передо мной, большинство из них повернуты ко мне спиной, расслабленно играют в карты или просто дремлют. Никто не обращает на меня внимания.

Я осматриваюсь по сторонам, но нигде не вижу Мэйсона... Нет, Мэйсона тут нет. Как это может быть?

Какой-то звук слева заставляет меня вздрогнуть, и только теперь я замечаю, что там кто-то есть. Парень спрыгивает со стойки, на которой он, очевидно, сидел, и теперь решительно направляется ко мне. Он не выглядит рассерженно, но явно не доволен. Его челюсти плотно сомкнуты, правая рука сжата в кулак, карие глаза смотрят пристально. Он словно пой-

мал меня в ловушку, и на мгновение я забываю, как дышать, затем жадно втягиваю воздух в свои легкие, пока сердце все еще бьется слишком быстро после спринта, который я только что пробежала. Я не могу оторвать взгляд от него, когда он идет ко мне. Что-то в нем и в том, как он по-прежнему смотрит на меня, заставляет меня чувствовать беспокойство, и тут в голове всплывает мысль о том, что я уже видела его раньше.

Я вспоминаю *бармена, который обслуживал нас вместо Джекса*, – привлекательного, интересного молодого человека. Надо признать, с тех пор я думала о нем время от времени. Он выглядит выше и, возможно, менее серьезным в ярком свете дня. Хотя нет, показалось. Черты его лица все еще довольно сдержанны.

О черт. Так мы теперь... коллеги?

С этим знанием мне еще придется смириться. И пока я все еще пытаюсь прийти в себя, успокоить мысли в своей голове и отдышаться, я чувствую, что должна хоть что-то сказать или, по крайней мере, объяснить ему, почему я вот так ворвалась сюда.

– Э... привет, я тут... – начинаю я, но мне нужно прочистить горло. Я больше не могу говорить. Нет, на самом деле я больше не знаю, что ему сказать.

Он останавливается в двух шагах от меня, внимательно изучая мое лицо, и мне кажется, что я чувствую его взгляд на своей коже. Это напоминает мне об одном коротком мо-

менте с того вечера.

У меня на шее появляются мурашки, которые медленно расползаются по плечам и рукам. Тот факт, что мое дыхание все еще немного сбитое, а во рту опять становится сухо, я приписываю своему общему возбуждению. Но это легкое покалывание в области живота... Я тяжело сглатываю, увлажняю сухие губы и наблюдаю за его лицом.

В баре я не заметила, что он такой высокий, из-за туфель, но теперь мне приходится немного откинуть голову назад, чтобы я могла смотреть ему в глаза. Внезапно он поднимает руку и указывает в направлении, откуда я только что пришла – вернее, примчалась.

– Думаю, ты заблудилась. Я отведу тебя к выходу.

Его голос теплый и чистый и намного мягче, чем я ожидала. Мне кажется, что он не соответствует человеку, стоящему передо мной. Пронзительный взгляд, волевой подбородок и суровые складки у рта. Во всяком случае, по моему мнению... Нет, его голос в любом случае не соответствует напряженному и в то же время отстраненному впечатлению, которое он производит.

Одетый во все черное, с пятидневной щетиной, которая, вероятно, означает: «Я просто не хотел бриться». И взъерошенные темно-каштановые волосы, которые словно кричат: «Мне на все совершенно плевать». Я нахожу в этом так много противоречий, что на мгновение забываю то, что он только что сказал и что он хочет, чтобы я сделала. Интересно,

как бы он выглядел, если бы его тонкие губы хоть на секунду растянулись в улыбке или...

Я чувствую себя пойманной с поличным, когда он прочищает горло и вопросительно поднимает бровь, пока я радостно думаю о его губах, уставившись на них, будто они это полное ведерко мороженого с печеньем.

Сконцентрируйся, Энди!

Ах да, работа, Мэйсон, бармены...

– Нет, – отчетливо возражаю я. – Прошу прощения, я опоздала, потому что не туда свернула и...

– Давай я покажу, где выход. – Он снова прерывает меня. Он что, не слушает меня? Я злюсь и глубоко вздыхаю.

Потом смотрю на него, немного прищурившись и вцепившись пальцами в ремни рюкзака.

– Я не заблудилась. Спасибо.

Затем я улыбаюсь ему дружелюбно, но сдержанно, но он лишь поджимает губы в ответ. Общее впечатление о нем пока остается прежним: не грубиян, но и не душа компании. Прежде чем ситуация не стала еще более странной и он не предпринял еще одну попытку отослать меня отсюда, нас окрикивают удивленным: «Эй!»

Я с любопытством поворачиваюсь на звук и понимаю, что кто-то отделился от небольшой группы ребят и как-то радостно направляется к нам.

– Это я, Джек! – объясняет он. При свете дня и в гораздо более яркой одежде я его не узнала.

– Привет, – отвечаю я, искренне обрадовавшись и испытав некоторое облегчение, увидев перед собой хоть немного знакомое и не такое кислое лицо. – Здорово снова увидеться! Я Энди.

– Энди, приятно познакомиться. А как зовут ту девушку, которая «подмочила репутацию» Мэйсона?

Со смехом он наблюдает, как мое лицо вытягивается в удивлении.

– Значит, ты видел, – бормочу я, и теперь он смеется лишь громче, на секунду даже схватившись за живот. – Это была моя лучшая подруга Джун.

Звучит похоже на признание. Как будто я была сообщницей в ограблении банка.

– Боже! Так быстро этого никто не забудет. Давненько Мэйсону никто не давал от ворот поворот, как и не обливал ему рубашку.

– На самом деле, это не было... – Я умолкаю, плотно сжав губы. Конечно, было. «От ворот поворот» и огромное пятно на рубашке. Как ни крути, я не могу ни отрицать, ни оправдывать это и, судя по выражению лица Джека, ему это тоже совершенно ясно.

– Значит, Мэйсона действительно окатили коктейлем? – Парень, чье имя все еще неизвестно, вырывает меня из мыслей своим глубоким голосом.

– Да, причем охрененно красочным коктейлем! «Бархатный ананас». Так жаль, это было одно из моих лучших тво-

рений. – Джек опечаленно качает головой.

О да, ананас. Воспоминания о нем заставляют меня мысленно застонать. Я потираю виски, затем пробую улыбнуться, но с треском проваливаю это задание, ясно чувствуя, что меня выдают глаза.

– Кстати, это Купер. Очевидно, он был в кладовке, когда все произошло, и пропустил ваше шоу. – Джек знакомит меня со своим коллегой, и я заставляю себя снова взглянуть на него. Это странное чувство возвращается ко мне, но я мысленно отбрасываю его и искренне улыбаюсь, протягивая руку. Как будто я была своего рода бактерией, неизвестной и очень заразной, сначала он отвечает мне слишком пристальным и слишком долгим взглядом, затем переводит его на мою ладонь.

И вот, когда я не могу больше выносить его отстраненность, когда с меня уже хватит его молчания и я собираюсь опустить руку, он быстро сжимает ее. Удивленная, я резко вдыхаю и почти забываю, что после этого надо выдохнуть. Его рука приятно теплая на ощупь, местами шероховатая, и моя ладонь почти полностью помещается в его. Я не знаю почему, но мне это нравится, и это снова вызывает странное покалывание в моем теле. Я не смею шевелиться. Его глаза так невероятны, его пристальный взгляд подобен магниту, притяжения которого мне никак не избежать и которое я заметила еще в тот самый вечер в баре с Джун. Совсем мимоходом, но заметила.

Тепло его руки передается моей, и...

Через мгновение он отдергивает ладонь так быстро, что я поражаюсь. С трудом сглотнув, я отворачиваюсь, избегая его взгляда. Того, в котором я чуть не утонула. Не знаю даже, когда это случилось со мной в последний раз.

Он деловито скрещивает руки на груди, и я с сожалением замечаю, что это действительно прекрасные руки, с фигурными мышцами, красивыми кистями и пальцами, и...

Стон! – кричу я про себя, взывая к рассудку, и мысленно вклепываю пощечину своему внутреннему «я».

– Это все еще не объясняет, почему ты находишься здесь, Энди.

Этот голос. Как он говорит, как произносит мое имя. Боже, почему это заставляет меня так нервничать? Зачем я пришла сюда и подвергаю себя этому безумию?

Джун, клянусь, я тебя... Я буду... Проклятье! Не могу придумать ничего, чем могла бы ей пригрозить.

От разочарования я поступаю так же, как Купер, и тоже скрещиваю руки на груди, приподняв подбородок, и бросаю ему вызов. Может быть, это немного по-детски, но кажется мне очень уместным.

– Я тоже не могу этого объяснить, но Мэйсон дал мне работу. Это все, что я знаю.

– После случая с Джун?

Джек смотрит немного недоверчиво или даже озадаченно – неудивительно, я чувствую то же самое. Но, в то время как

Джек говорит это, я не отрываю взгляда от Купера, и выражение его лица, по-моему, выглядит гораздо более чем удивленным. От меня не ускользнули изменения в чертах Купера, скрип его челюсти, пульсирующая жилка на шее, по линии которой я сейчас следую взглядом, не в силах не делать этого...

На мгновение я закрываю глаза.

Они с Джеком удивлены двум разным вещам, в этом я уверена. Как же мне хотелось бы спросить у него, что происходит в его голове. В конце концов, он еще не знает меня, как и не знает того, что я не умею даже делать простой домашний лимонад. Поэтому дело явно не в нехватке моей квалификации.

Я киваю Джеку, чтобы наконец ответить на его вопрос и не выглядеть слишком невежливой. Мысли путаются в голове... Джек, похоже, ничего не заметил, потому что сразу после этого он обнимает меня за плечи и снова посмеивается.

– Ну надо же! Я понял, придется за тобой присмотреть.

Я напряженно смотрю на него краем глаза, освобождая руки от стесненной позы, и обдумываю, что он имеет в виду. Пока...

Мои глаза расширяются.

– Нет! Это не так!

Я немедленно отстраняюсь от него и чувствую, как начинают пылать мои щеки. Уши, вероятно, тоже теперь ярко-красные. Такая уж у меня неудобная особенность. Неваж-

но, злюсь ли я, стыжусь или нервничаю, мои щеки и уши начинают гореть так, что, наверное, светятся в темноте. Я могла бы сойти за своего рода морской маяк.

Мэйсон, конечно, нанял меня не потому, что он хочет за мной приударить. Или Джек имел в виду что-то другое? В отличие от Джун я никогда не умела распознавать и правильно понимать неоднозначные фразы.

Джек говорит что-то еще, но я едва могу сосредоточиться на его словах из-за... Купера. Тот просто стоит, смотрит на меня, и это заставляет меня чувствовать себя чрезвычайно... беспокойно. И некомфортно. То, как он не отводит взгляда, будто изучает каждый сантиметр меня, будто хочет прочесть мою историю. Как будто он *мог* прочитать меня. Подобно открытой книге.

Он смотрит не так, как тот парень в клубе на днях, когда я чувствовала, что меня оценивают. Оба варианта мне не особо приятны. Но этот взгляд... он проникал мне под кожу.

Я негромко прочищаю горло и убираю с лица непослушные пряди, заправляя их за ухо, хотя это, вероятно, все равно не сработает, и мне нужно будет заплести новую косу.

Не только потому, что Купер не двигается и не сводит с меня глаз, но еще и потому, что я не могу даже догадаться, о чем он при этом думает, в замешательстве и легком отчаянии я делаю последнюю попытку улыбнуться ему. Чтобы что-то сделать, или... Ах, я не знаю! Может быть, чтобы расслабить хоть немного его серьезные черты или просто найти

причину продолжать смотреть на него. Если бы Джун была здесь, она бы посмеялась надо мной!

И правильно бы сделала. Потому что это было глупо и все равно ничего не дало.

– Ребята, это Энди, – неожиданно громко объявляет Джек, отпускает мои плечи и вместо этого берет меня за руку. Он отвлекает мое внимание от Купера, и я ненадолго чувствую, что снова могу нормально дышать. Джек ведет меня к другим, чтобы представить. – С этого момента Энди работает с нами!

Потом он шепчет мне на ухо:

– Здесь сегодня не все, некоторые болеют, и есть те, кто приходят только на ежемесячное собрание, обычно на еженедельных собраниях присутствуют только бармены.

– Еженедельные собрания?!

– Без паники, они обычно длятся недолго. Если у тебя будет учеба в это время, ты можешь не приходить, тебе напишут обо всем на электронную почту.

Успокоившись, я улыбаюсь Джеку. Звучит здорово. Тем более что мое университетское расписание, вероятно, не обретет стабильную форму в течение следующих недели или двух.

– Я Луи, – парень приветствует меня, пробормотав свое имя, и кивает мне с закрытыми глазами, забившись в кресло.

Луи низко опустил старую кепку на лицо, и, думаю, вот-вот уснет. Его одежда выглядит довольно просто, а кожа ка-

жется особенно бледной из-за здешнего освещения и многочисленных веснушек, которые покрывают его лицо.

Другой парень подмигивает мне:

– Добро пожаловать, Энди, я Мэтт. Обычно я стою с этим соней за маленьким баром вон там, – объясняет он, указывая на угол с другой стороны танцпола.

Тем временем единственная девушка в команде встает и приветливо протягивает мне руку.

– Наконец какое-то подкрепление, – вздыхает она с облегчением, шутливо скривив свои красиво накрашенные розовые губы, которые чудесно контрастируют с ее темной кожей. – Я Сюзанна.

В ее глазах горят веселые искорки, ее жизнерадостность заразительна. Она мне уже нравится.

– Если у тебя появятся какие-либо вопросы, буду рада помочь. Я иногда работаю в баре, но в основном занимаюсь оформлением документов и финансами. Ну а если у тебя когда-нибудь возникнут проблемы со всеми этими... – Она делает паузу и хитро щурится, подыскивая подходящее слово для описания парней вокруг нас.

– ...Аполлонами? – подсказывает Мэтт, что заставляет меня улыбнуться. – Или нет, подожди! Самыми сексуальными мужчинами мира! – быстро кричит он с энтузиазмом.

– Заткнись, – доносится едва слышное бормотание Луи.

– ...может, восхитительными суперколлегами? – предлагает Джек, и теперь я уже смеюсь, потому что понимаю, что

они не просто коллеги, но и друзья. Это хорошая новость. Ребята предлагают все новые смешные названия, пока Сюзанна не смотрит на меня так, словно хочет сказать: «Ну, ты поняла, что я имею в виду, не так ли?»

– Принято. Спасибо! – отвечаю я, и Сюзанна улыбается мне.

– Что-то у нас слишком много веселья. Кому-то так нравится приходить на работу?

– Видимо, не ему, – бормочет Купер в сторону Луи, а Мэтт толкает своего приятеля в бок, чтобы тот наконец проснулся. Он коротко всхрапывает и чуть не падает со стула.

– Черт, что за фигня!

Он изо всех сил пытается сохранить равновесие и удержаться на стуле, балансируя руками.

Тем временем я слышу эхо чьих-то шагов, отдающееся от стен, и затем вижу их источник: Мэйсон бодро шагает к нам, одетый в шикарный костюм темных цветов. Темно-синие пиджак и брюки, черная рубашка без галстука и светло-коричневые ботинки в тон ремню.

Выскачка! – слышу я голос Джун в своих мыслях и быстро откашливаюсь, чтобы скрыть смех.

Мэйсон тепло всех приветствует, останавливается перед нами и убирает руки в карманы. Когда он переводит взгляд на меня, то широко улыбается.

– Энди, ты пришла вовремя. Как мило.

– Ты опоздал, так что это было несложно.

Тишина.

Господи, неужели я только что сказала это вслух?

– Извини, я... я имела в виду, что...

Когда я начинаю заикаться, что ведет меня к полному фиаско – если этого еще не произошло до сих пор, – остальные тихо смеются. Мэйсон же игнорирует мой комментарий, и лишь краткий отблеск в его глазах говорит мне, что он очень даже заметил его.

Не знаю зачем, но краем глаза я смотрю на Купера, который стоит рядом. Нет, он не улыбнулся. Никаких эмоций. Я беззвучно вздыхаю. Может быть, у него просто не лучший день.

Почему меня это вообще интересует?

– Как всегда, Сьюзи собрала для вас самую важную информацию за последний месяц в электронном письме. Энди, пожалуйста, после собрания дай Сьюзи свой адрес, чтобы она могла написать тебе тоже. На сегодня я оставил главный вход открытым, чтобы ты могла войти без проблем. Но когда клуб закрыт для посетителей, мы пользуемся одним из боковых входов. Тебе все покажут.

Я киваю ему, и он отвечает мне тем же, прежде чем отвернуться и снова оглядеть всех ребят.

– Идем дальше. Сьюзи поменяла расписание. Так как Стю и Ян больны, нам пришлось передвинуть ваши смены. Надеюсь, Ян скоро вернется, а вот Стю... Этот идиот вывихнул запястье, после того как упал со второго этажа двухъярус-

ной кровати какой-то своей новой подружки, когда ее парень пришел к ней с неожиданным визитом. Теперь у него сломан нос и два ребра.

– О-о, Стю! – горестно восклицает Мэтт, а Сюзанна лишь качает головой. Она, конечно, давно это знала, еще когда создавала новые списки, и мне становится интересно, как часто она уже делала это за последнее время или как часто ей приходилось слушать эту историю.

– Джош больше у нас не работает, – резко добавляет Мэйсон, и Сюзанна печально кивает.

– Что? – Джек выглядит шокированным.

– Я уволил его. Это все, что тебе нужно знать. – Мэйсон прочищает горло. – Итак, теперь к...

– Да ладно, как это может быть, приятель? – спрашивает Джек, в то время как Сюзанна осторожно берет его за руку и говорит:

– Оставь это. На то есть свои причины.

– Серьезно? Он был одним из лучших!

Мэйсон спокойно и уверенно делает шаг вперед.

– Да, так и есть. Но это мой клуб. Здесь действуют мои правила, и если кто-либо не следует им, то мы с ним прощаемся.

Джек скрипит зубами.

– Он украл что-то?

– Тогда я бы просто сделал ему выговор. Теперь о других вопросах...

– Нет, черт побери! Джек прав. Расскажи нам, почему Джош уволен.

На этот раз Мэтт делает шаг вперед и присоединяется к Джеку. Я же, наоборот, почти механически отступаю назад и скрещиваю руки перед грудью, чтобы отгородиться от окружающих. По какой-то причине мне хочется уйти и оставить их. Возможно, потому что я не должна знать или слышать продолжения. Потому что я еще не являюсь членом всего этого, не являюсь его неотъемлемой частью. Потому что я не могу оценить Джека, Мэтта или Мэйсона. Конечно, они мне вроде как нравятся, но... мне становится некомфортно. Сюзанна, кажется, замечает это, она виновато улыбается мне и подходит ближе, а когда я мимолетно смотрю в другую сторону, то замечаю...

Кое-что странное. Я нахмуриваюсь. Купер так же близок ко мне, как и Сюзанна, при этом он стоит даже немного впереди меня. Или я это придумываю?

Мэйсон, до сих пор сохранявший спокойный вид, меняется в лице, и, разозленный, он встает еще ближе перед Джеком и Мэттом, которые быстрым движением так резко отвечают на его агрессивную позу, что я, сама того не желая, ахнула. Купер сдвигается со своего места, и даже если до этого у меня лишь разыгралось воображение, то сейчас уже точно нет. Он встает передо мной, защищая меня, и внимательно следит за этой троицей.

– Мэйс, – просто говорит он, как бы успокаивая и преду-

преждая одновременно. Но тот не реагирует.

– Вы хотите знать, почему Джош уволен? Хорошо. Потому что он оскорбил одного из посетителей на прошлых выходных. Потому что он последовал за ним в туалет, надругался над ним, а затем избил. И как будто этого было недостаточно, он привел нескольких своих приятелей, которые продолжали унижать его, пока сам Джош вернулся к работе за баром. Словно ничего не случилось. Его жертва был нашим постоянным гостем и, как известно, нетрадиционной ориентации. Охране пришлось спасти его и вызывать «Скорую помощь». И теперь, Джек, я надеюсь, ты поймешь, почему в этом случае у меня не было другого выбора, кроме как уволить Джоша.

Мэйсон стоит перед ними, тяжело дыша, и я вижу, как бледнеет Джек, слышу, как Мэтт в неверии шепотом матерится, и она оба перестают выглядеть агрессивно настроенными.

– В этом мире случается много дерьма, – сердито добавляет он. – Но я сделаю все, от меня зависящее, чтобы оно не случилось в моем клубе.

Так тихо. И так громко.

Только теперь я понимаю, что у меня на глаза навернулись слезы, потому что я едва могу поверить тому, что только что было сказано. В смысле, я не дура. Я знаю, что подобное происходит достаточно часто, но так не должно быть. И в придачу к напряженному периоду в моей жизни это уже слишком.

Помрачневший в лице Мэйсон отступает назад и немедленно улыбается вновь. Как он это делает?

– Мне жаль, что ты слышала это, Энди. – Он прочищает горло, делая паузу, однако мне нечего ответить. – Купер. Ты стажировешь Энди. Ваши смены в этом месяце совпадают, начиная с сегодняшнего вечера. Покажи ей все, чтобы первые несколько вечеров в следующем месяце она могла пережить уже без посторонней помощи.

Когда я осмеливаюсь взглянуть на Купера, то вижу, что он уже давно повернулся ко мне и недоверчиво смотрит в мою сторону. Осанка выглядит напряженной, одна рука сжата настолько сильно, что даже костяшки побелели.

И снова этот взгляд...

– Все понятно? – спрашивает Мэйсон, и Купер кивает, после чего разворачивается и просто уходит.

Мне приходится приложить все усилия, чтобы не смотреть ему вслед. Я злюсь и фокусирую внимание на Мэйсоне.

– Тогда до скорого или же до следующего собрания. Есть еще вопросы? Нет? Хорошо. Потому что теперь я бы что-нибудь выпил.

И на этом он прощается, а я раздумываю над тем, что на данный момент у меня в голове больше вопросов, чем ответов. По крайней мере, пока Сюзанна осторожно не кладет руку мне на предплечье и не заговаривает со мной:

– Идем, я отведу тебя к Куперу. А потом принесу воды. Ты так побледнела!

5

Вещи, которые мы не хотим видеть, не исчезнут, если просто закрыть глаза. И наверное, это к лучшему.

Купер

Что, черт возьми, сейчас было?

Следуя сиюминутному импульсу, я оставляю Мэйсона, не говоря ни слова, покидаю собрание, которое, скорее всего, и так уже скоро закончится, и беру свои блокнот с карандашом, которые ранее положил на барную стойку. Я уйду, потому что мне нужна пара минут отдыха. Или хотя бы несколько секунд.

За баром я поворачиваю налево, вместо большой комнаты отдыха снова оказываюсь на складе и провожу руками по волосам, раздраженный и даже злой. Не знаю, что именно так вывело меня из себя. Я нервно смеюсь, закрываю глаза, откидываю голову назад и глубоко вздыхаю.

Может быть, тот факт, что я не заметил ничего странного в поведении Джоша, хотя у нас была общая смена. Это произошло в нескольких метрах от малого бара, пока я просто выполнял свою работу и... мать твою! Я ничего не мог сделать, не мог помочь. Я ничего не заметил и ни о чем не знал.

Выругавшись, я открываю глаза и начинаю метаться, как тигр, слева направо, от одного шкафа к другому, но вспоминаю, что должен успокоиться. Что я не должен давать волю этому чувству.

Три...

Я начинаю считать.

Это нормально, что не все в порядке.

Два...

Все снова будет хорошо. Через какое-то время.

Один...

Иногда нам ничего не остается, кроме как сделать все, на что мы способны.

Вдох.

Я чувствую, как это помогает, чувствую, как я успокаиваюсь и наконец перестаю ощущать себя диким животным, загнанным в клетку.

Я должен был понять, что Мэйсон размышлял над чем-то большим, чем обычно, но я не заметил этого, потому что скоро у всех начнется учеба, студенческие вечеринки уже в самом разгаре, и я думал о чем угодно, кроме как о здесь и сейчас.

Проклятье!

Мой взгляд падает на блокнот у меня в руках, на верхний лист бумаги. Я работал над этим эскизом в течение нескольких дней, и все это время он не поддавался мне, но сегодня у меня было четкое предчувствие, что я наконец одержу над

ним верх. И достигну точки, после которой ничто уже не испортит рисунок. Но я забыл, что искусство похоже на жизнь: в нем все может пойти не так в любое мгновение.

Я пристально рассматриваю шесть переплетенных рук, все тени, филигранные линии и четкие контуры. Сколько времени потрачено на них... Это определенно была сотая хреновая попытка создать этот рисунок. Речь идет не только о возможности нарисовать, но и о том, чтобы выразить, использовать для передачи ощущения. Суметь почувствовать что-то особенное и позволить зрителю тоже прочувствовать это. Но есть то, что мы способны сделать, и есть то, что нам недоступно.

Рисовать, без разницы, углем или графитом, давалось мне легко, сколько я себя помню. Ручки и карандаши – это абсолютно мое, так же как и бумага. Тем не менее я рано уяснил, что у каждого есть слабые места даже в его увлечениях и талантах. У меня это руки. Я могу нарисовать одну, если постараться – то две. Но больше?

Недовольный, я подношу блокнот ближе к глазам и пристально смотрю на хрупкую, шаткую линию, которая тянется к контуру одного из пальцев. Это был тот момент, когда Энди, закричав, ворвалась в главный зал клуба, когда я никого не ждал.

Это просто дерьмо. Я вырываю страницу из блокнота, сминая ее и бросаю энергичным движением в угол, где находится мусорный бак. Затем я поднимаю взгляд, потому что

услышал звук их шагов задолго до того, как они появились в моем поле зрения.

– Купер? – Сюзанна выглядывает из-за угла. – Ах, вот ты где. Я привела Энди. Полагаю, вы начнете сейчас? – Она выжидательно смотрит на меня, но я не отвечаю.

Мое внимание моментально сосредотачивается на Энди, которая входит прямо за Сюзанной со стаканом воды в руках и сразу же внимательно начинает все оглядывать. Она кажется неуверенной и настороженной одновременно. Ее так волнует то, что здесь происходит, или она просто хочет устроиться на работу? Хотел бы я отвести от нее глаза, перестать смотреть на нее, но не могу. Почему у меня не получается?

Как будто Энди услышала мой вопрос, как будто почувствовала этот конфликт внутри меня, она поворачивает голову и смотрит на меня. Просто так. И в ее глазах нет ничего, кроме открытости и любопытства. Возможно, еще беспокойство. Наивность.

Я плотно сжимаю губы, крепче сдавливаю пальцами блокнот и наконец киваю Сьюзи, коротко и неуклюже. Чем быстрее мы с этим покончим, тем лучше. Ведь в этом нет ничего такого. Я просто не в себе сегодня, вот и все.

– Скоро увидимся, Энди!

Сюзанна прощается с ней и обнимает ее. Энди напрягается – всего на мгновение, но все же заметно, прежде чем обнять Сьюзи в ответ, и улыбается. И как она улыбается! Я чувствую, как начинаю нервничать, когда снова смотрю на

ее лицо, прекрасные черты лица, маленький нос, ясные голубые глаза за большими очками, которые не умаляют естественную красоту. Когда девушки отстраняются друг от друга, они смеются. Громко и искренне.

Широкая и ясная, теплая и... Теперь я знаю. У нее улыбка, как у Зоуи. И этот смех, который никто не сможет вернуть ей. Я точно не смогу. *Зоуи!* Имя эхом звучит в моих мыслях, и давно уже мне не было так больно.

Когда Сюзанна уходит, Энди вопросительно смотрит на меня, так терпеливо и доброжелательно, что я немедленно возвожу вокруг себя стены, укрепляю ворота и запираю их, выбросив ключ.

Я должен был сказать «нет». Когда Мэйсон объявил во всеуслышание, что я должен стажировать новенькую, которую он нанял, вероятно, просто по прихоти или – вопреки предположению Джека – потому что он хочет подбить клинья не к ней самой, а к ее подруге, я должен был отказаться. Но я ничего не сделал.

Я полный идиот.

Зоуи. Энди с загорелой кожей, темными волосами и полными губами выглядит не так, как она... и все же что-то есть.

Этот смех. Эта улыбка.

Я должен был сказать «нет»...

Пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, я сосредоточиваюсь на неизбежном: на стажировке. Мэйсон хочет, чтобы мы начали сегодня, но Энди в узких брюках и легкой куртке,

и маловероятно, что на ней сейчас обувь с нескользящей подошвой. Видимо, Мэйсон не сказал ей, что она должна будет приступить сегодня. Да уж. Этот день становится все лучше и лучше.

– Ты когда-нибудь работала в баре или клубе? – Я вообще-то не хотел задавать этот вопрос, но теперь, когда вижу ее реакцию, то радуюсь, что спросил. *Мэйсон, клянусь тебе, когда-нибудь я побью тебя.* – Это значит «нет», – заключаю я из ее слишком растянувшегося молчания и того, как она долго не отводит взгляд.

Ее щеки краснеют, а нос морщится, в результате чего очки немного съезжают. Я слышу, как она тихо вздыхает.

– Я была бы рада сказать, что знаю, что делать, но я абсолютно неопытна.

После того как она произносит эти слова, словно извиняясь и возмущаясь одновременно, ее глаза и рот беззвучно округляются, и я чувствую, как совершенно неожиданно на моих губах появляется улыбка.

– Это звучало странно, я не то хотела сказать, я имею в виду... – В промежутках между словами она едва успевает вдохнуть и неловко взмахивает свободной рукой. В конце концов она сдается и негромко стонет от разочарования, понимая, что делает только хуже. Прежде чем расправить плечи и поднять подбородок, она шумно выдыхает. – Нет, я никогда не работала ни официанткой, ни за стойкой в баре. Но я хочу научиться этому, и, честно говоря, мне очень нуж-

на работа, поэтому я была бы очень признательна, особенно после всех этих странных событий, если бы ты не усложнял мне жизнь.

Ее слова звучат все решительнее и увереннее, а конец фразы она договаривает уже чуть ли не со злостью.

– Ладно, – просто отвечаю я. Вообще-то я так же мало, как и она, заинтересован в том, чтобы усложнять все больше, чем необходимо. – Я покажу тебе то, что нужно знать, и объясню, как мы здесь управляемся, и все. Ничего, кроме этого.

Понятия не имею, почему я добавляю последнее предложение. Что должно быть еще?

Теперь наступает ее очередь ответить простым «ладно».

Мне не нужны никакие разговоры по душам, никакие сплетни, я не хочу ничего знать о ней – и больше всего я хочу, чтобы она улыбалась как можно реже.

– Прежде всего, тебе надо переодеться, хотя бы сменить туфли. Тогда мы начнем.

6

Некоторые моменты в жизни напоминают хорошую музыку: они трогают нас до глубины души.

Энди

Все паршиво. Реально паршиво. Если честно, то это настоящая катастрофа...

Я наконец-то переплетаю свою растрепавшуюся косу и натягиваю куртку плотнее к телу, потому что солнце полностью исчезло и пошел моросящий дождь. Как будто большая серая вуаль накрыла весь мир и каким-то образом меня тоже.

Я убираю мобильный телефон в карман. С этого момента он мне не понадобится, потому что, по крайней мере, дальше я легко узнаю дорогу к общежитию и могу быть уверена, что дойду до квартиры Джун.

Она наверняка спросит, как прошло собрание, и я хотела бы рассказать ей обо всем, даже если для меня это пока не имеет особого смысла. Пока что картинка не складывается. Как если бы кто-то разбросал в голове пазл с бесчисленными маленькими деталями. Мне определенно нужно больше времени, чтобы разложить их. Чтобы навести порядок в этом хаосе. И в моей жизни.

Я глубоко вздыхаю, замечая, что уже нахожусь на территории университета и вижу впереди корпуса студенческого общежития.

На стеклах очков скопились мелкие капли дождя, я шмыгаю носом и чувствую, что кончики пальцев замерзли. Поднимаю воротник куртки чуть выше, пока ноги несут меня последние несколько метров по широкому, красиво выложенному тротуару. Потом один поворот за угол и, наконец, остается всего пара шагов внутри здания до двери Джун. Я стучусь, она открывает и радостно приветствует меня, и я слеую за подругой в ее комнату, радуясь, что Сары не видно.

Я плотно закрываю дверь и вздыхаю в раздумьях. Хватит с меня на сегодня. Достаточно странных взглядов, непредвиденных ситуаций и нервных моментов.

– Ну, и?.. Как прошло? – спрашивает Джун в предвкушении. Она с любопытством смотрит на меня, плюхнувшись на кровать.

Погруженная в свои мысли, я снимаю обувь и рюкзак, вешаю мокрую куртку на стул и прислоняюсь к краю стола, затем вытираю очки и громко сморкаюсь. Джун уже с нетерпением барабанит пальцами по своим коленкам.

– Довольно интересно, – неопределенно отвечаю я. Хотя, если подумать, эта фраза становится крайне многозначительной.

– Да ладно! Большого я не услышу? – Джун поджимает губы и наклоняется вперед.

– Честно говоря, я не знаю, с чего начать.

Джун улыбается:

– Ну, с самого начала!

– Не умничай, – бормочу я, улыбаясь в ответ. Затем глухо вздыхаю. – Ладно, э-э... я опоздала. – Лучшей подруге, по крайней мере, хватает совести притвориться, что она сожалеет, пока я смотрю на нее. Она знает, как сильно я ненавижу это. – Я опоздала, но Мэйсона там еще не было. Так что я как бы успела... если можно так сказать.

Головная боль начинает пульсировать в висках, поэтому, закрыв глаза, я зажимаю переносицу на секунду или две, прежде чем надеть очки и продолжить. Не знаю, какой во всем этом смысл...

– Зато я познакомилась с некоторыми из моих новых коллег. Например, с Сюзанной. Она тебе понравится, – добавляю я, с улыбкой думая о ней. – Джек тоже был там. Ты помнишь его? И... – Мне приходится прочистить горло и подавить легкую дрожь, когда Купер появляется в мыслях. – Купер, один из ребят, будет стажировать меня. Сегодня. Я здесь только потому, что он сказал, что я должна переодеться. Видимо, мне нужна более подходящая одежда для работы за барной стойкой.

Мы, наверное, вместе были удивлены, что я начну уже сегодня. Я не могу без сарказма вспоминать его слова и то, как именно он их произнес. Так холодно и отстраненно и еще так, словно, по его мнению, от меня нельзя было многого

ожидать и даже думать обо мне было нечего.

И по какой-то причине меня это раздражает.

Я необязательно должна нравиться Куперу. И он ясно дал понять, что это не так. Но это вполне нормально. Я считаю...

– Энди? – до меня доносится голос Джун, робко позвавшей меня по имени.

– А?

– Что еще случилось? Что тебя сейчас беспокоит?

У нее действительно есть какое-то шестое чувство, по крайней мере на то, что касается меня. Однако вместо того, чтобы делиться с ней своими запутанными мыслями о Купере, я рассказываю ей нечто другое.

– Там была ссора... спор. Думаю, что некоторым людям было некомфортно, что я это слышала. – Я тяжело сглатываю. – *Мне* было некомфортно. У меня было чувство – ну, я даже не знаю... Будто это был разговор между членами семьи, к которой я еще не принадлежу. Речь шла о том, что Мэйсон уволил кого-то, потому что он вроде бы надругался над каким-то посетителем в клубе и – судя по тому, что я слышала, – вел себя отвратительно. На самом деле он не хотел распространяться об этом, но Джек и другие ребята не понимали, почему того парня уволили. Они, вероятно, были друзьями и... да. Мне было неприятно. Мне стало их жалко. Не думаю, что они могли предположить, что этот парень способен на такой поступок. Кто ожидает подобное от друзей? – Я сухо смеюсь и горестно качаю головой. Меня тро-

нула эта тема.

– Сочувствую, – отвечает она, искренне расстроенная, и слегка наклоняет голову, пока я стараюсь избегать ее пронзительного взгляда. О нет, ее глаза подозрительно сужаются.

– И это все?

– Ага. У тебя, случайно, не найдется для меня простой черной рубашки?

– Энди. – Она интонационно подчеркивает мое имя так, как кроме нее умела только моя мама. Как будто я что-то натворила. Правда мама всегда использовала мое полное имя. Если я думала, что мне что-то сошло с рук, то самое позднее в такие моменты я отчетливо понимала, что только не в этот раз.

– Я думаю, что не нравлюсь Куперу, – вырывается у меня.

– Купер – это тот, кто должен обучать тебя? – Я киваю. – Подожди-ка... – Она слегка наклоняет голову. – А это не тот парень, который принес нам по второму коктейлю в тот вечер в *MASON's*?

О нет, я не буду вдаваться в подробности. Я и так не могу перестать злиться на то, что Купер ведет себя как сварливый осел.

– Он дал мне понять, что покажет мне все только потому, что должен, но в остальном он хочет, чтобы его не беспокоили. – После этих моих слов взгляд Джун изменился. – Почему ты развеселилась? Пожалуйста, перестань так улыбаться. В чем дело?

– Это он! И он красавчик. Думаю, что он оказался красавчиком.

– Что? – Я недоверчиво смотрю на нее.

– Он точно красавчик!

– Разве это имеет значение? – спрашиваю я в замешательстве, и Джун задумчиво потирает подбородок.

– Зависит от того, почему тебя так волнует, что он хочет, чтобы его не беспокоили.

– Это волнует меня, потому что он работает со мной. Мне просто не нравится, что он... что я... – *черт возьми!* Не так легко объяснить все ей. – Я не думаю, что это хорошая идея, что ему придется делать то, чего он явно не хочет.

Да, это звучит довольно логично. Так ведь?

– Ну, если все сводится только к этому, то пфф! Мы все постоянно делаем то, что нам не нравится. Потому что иногда так и должно быть. Не тебе решать, какие у него проблемы, Энди. Может быть, он вообще не любит людей. – Она пожимает плечами. – Вполне естественное отношение в зависимости от того, что человек видел и пережил. Правда, должна признать, что это становится довольно неуместным, когда ты работаешь в клубе. Или у него просто сегодня плохой день. Кто знает? В следующий раз он может вести себя по-другому. Это вполне возможно.

Царапая ногтем по краю стола, я думаю о словах Джун.

– В любом случае это определенно не что-то личное. Он не знает тебя, подумаешь, простоял с тобой в комнате ка-

кие-то десять минут. Ну, даже если это был час, – говорит она, махнув рукой. – Может быть, он нелюдим или мрачный тип, да что угодно! Тем не менее он будет работать с тобой. Это все, что имеет значение. До тех пор, пока он не будет груб с тобой – потому что тогда мне придется избить его, – все нормально.

Джун порывисто поднимается на ноги и подходит ко мне, затем кладет руки мне на плечи.

– Так ведь?

Она права. Я, наверное, придаю этому слишком большое значение. Куперу не нужно любить меня или хотеть болтать со мной, чтобы он мог натренировать и научить меня всему, что понадобится для работы. Дело не в нем, неважно, кто меня стажирует – я должна подавить в себе чувство, что я становлюсь для кого-то обузой. Но еще я должна перестать думать о его глазах и гадать, что за ними скрывается.

– Да, – соглашаюсь я. – Сегодня много всего происходило, и я слишком нервничаю. Если я буду вести себя так глупо, можно сразу искать новую работу.

– Этого не произойдет, Энди. Но если даже произойдет, то жизнь на этом не закончится. – Она крепко обнимает меня, прежде чем направиться к своему шкафу. – Как ты сказала, черная?

Я только что вернулась в клуб. Я по правде спешила, хотя благодаря Джун это далось мне нелегко. Мы чуть не вступили в жестокую гардеробную битву, когда она пыталась нарядить меня в черный топ с открытой спиной, а потом в другой топ без бретелек и, наконец, в наполовину прозрачную блузку.

В итоге я просто вытащила из сумки разноцветную, слегка помятую рубашку и надела ее, заправив в свои узкие джинсы. То, что едва не привело к обмороку Джун, было моей любимой рубашкой в крупную клетку персикового и темно-синего цветов. Первый хорошо сочетается с моими очками, последний подчеркивает мои глаза. И хотя она уже давно немного выцвела, мне все равно. Не могу сдержать улыбку, когда думаю о выражении лица Джун. Она глубоко ненавидит эту рубашку, не может смотреть на нее и, вероятно, хотела бы сжечь ее и торжественно станцевать на пепелище.

Мои черные конверсы по лодыжку тоже уже не в лучшем состоянии, но пока они не развалятся, я буду их носить. У меня нет более подходящей обуви для работы. Вряд ли я могу появиться в клубе в сандалиях или зимних утепленных ботинках.

Вокруг абсолютно тихо, когда я иду мимо большого бара и снимаю куртку, чтобы набросить ее на руку. К счастью,

дождь снова утих. Я оглядываюсь в поисках Купера и выбираю тот путь, по которому мы шли сегодня с Сюзанной. В конечном итоге я оказываюсь на складе, по крайней мере, похоже на то, но даже здесь я не нахожу его.

– Энди.

Я испуганно оборачиваюсь, прикрыв ладонью рот, чтобы не вскрикнуть, и... внезапно вижу перед собой чью-то широкую грудь. В нос ударяет терпкий и в то же время свежий аромат, и я с трудом могу удержаться, чтобы не вдохнуть шумно и глубоко. Сначала запах напоминает мне морской воздух, затем горящие дрова в открытом камине.

Купер. Голос давно выдал его, но мне все еще нужно время, чтобы успокоиться.

Его дыхание. Я так близко к нему, что чувствую его на своей коже. Немного, совсем чуть-чуть, но... этого достаточно. Черт возьми. Что бы ни происходило со мной сегодня, я надеюсь, что это скоро закончится.

Для меня уже слишком много хаоса, слишком много вопросов, слишком много мыслей, слишком много впечатлений...

Просто слишком!

Когда я поднимаю голову, то встречаюсь с Купером взглядом. Он смотрит вниз на меня, выглядит вдумчивым и напряженным. Мои губы размыкаются, но к счастью, я вовремя беру себя в руки и не спрашиваю его, что он думает в этот момент. Боже, я не знаю, почему я так сильно хочу это

знать, но это как одержимость. Неотвратимая одержимость. В его глазах, мимике, жестах столько *всего таится*. И кое-что важное для меня. Но я понятия не имею, почему это так.

Иногда я хотела бы быть Джун. Я хотела бы быть тем, кто говорит свободно и смело, что думает и чего хочет. Но я всего лишь Энди, которая складывает все свои мысли и чувства в кучу, пока она не рухнет, после чего опять будет создана заново.

Я стою как замороженная, разглядывая его черты, широкие брови, бороду, слегка изогнутый нос, который выглядит так, будто он когда-то был сломан, его скулы и едва заметную ямочку на подбородке. Узкие губы плотно сжаты.

И когда я снова смотрю ему в глаза, он внезапно несколько раз быстро моргает и резко отодвигается от меня. Один шаг, еще один. Как будто он никак не может набрать достаточное расстояние между нами.

Как будто мир слишком мал для нас двоих...

– Извини.

Его голос звучит грубо и немного резко.

– Все в порядке, – шепчу я. – Иногда меня бывает несложно испугать.

К большому удовольствию моего брата, который всегда знает, как этим воспользоваться, мысленно добавляю я и вспоминаю о том времени, когда Лукас подшучивал надо мной. После этого Джун часто отчитывала его так жестко, что мама или папа даже угрожали ей, когда он вытворял ка-

кую-нибудь ерунду. Воспоминания об этом заставляют меня слегка усмехнуться.

– Ты готова? – спрашивает он, но так, будто ему неважен ответ. Я киваю. – Хорошо, идем со мной.

Он указывает кивком головы в сторону двери, и я следую за ним со склада, мы поворачиваем за угол и заходим в другую комнату. Ничего себе! Все вокруг заставлено, валяются какие-то бумажки, пустая банка из-под энергетического напитка, грязная тарелка. Ничего такого, что могло бы вывести из себя нормальных людей, но мне ужасно хотелось бы начать прибираться прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.